

Виктор Линберг

ГРУБИЯН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Витта Линберг Грубиян

<https://litres.ru/74256749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег успешный бизнесмен, который точно знает, кого он хочет и как её получить. Есть только одна проблема - Виола не вписывается в его представление об идеальной женщине, да и не ведётся на его мужественность. Короче, сломала девчонка бедному Олегу всю отработанную схему.

И пока она пытается выживать, совмещая, работу, учёбу и прибитого наглухо отчима, Олежа натирает лыжи в её направлении... Правда походу он и сам это ещё не понять.

От автора: ВНИМАНИЕ МАТЫ!

Герой не пушистая булочка, а закалённый мужик.

Содержание

1 Олег	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4. Виола	20
Глава 5. Олег	24
Глава 6. Олег	29
Глава 7	33
Глава 8. Олег	38
Глава 9	43
Глава 10. Олег	48
Глава 11	56
Глава 12. Олег	64
Глава 13. Олег	68
Глава 14. Виола	76
Глава 15. Олег	84
Глава 16	90
Глава 17. Олег	95
Глава 18. Виола	100
Глава 19. Виола	106
Глава 20. Виола	112
Глава 21. Олег	114
Глава 22. Олег	121
Г	129

Витта Линберг

Грубиян

1 Олег

Я сижу за столом в своём кабинете, смотрю в отчёт. Постановки, налоги, контракты. Всё как обычно. Цифры уже начинают сливаться перед глазами. Эта часть работы уже рутина — скучно. Пока дверь не открывается без стука.

Илья заходит, как к себе домой. Пиджак от кутюр, туфли начищенные, лицо довольное. Улыбается, блядь. Этот даже здороваться не умеет нормально — сразу садится напротив, ногу на ногу закидывает. Расслабился.

Смотрю на него и чувствую, как привычная злость поднимается из груди. Девять месяцев прошло. Девять. А я до сих пор вижу эту картину, как открываю дверь спальни. Илья на моей кровати. Она под ним. МОЯ , БЛЯТЬ, ЖЕНА!

Давно бы убил. Но нельзя. Он брат. По бумагам хотя бы. Да и не доставлю этим ублюдкам удовольствия видеть меня за решёткой.

— Чего тебе? — спрашиваю, не поднимая головы. Потому что, если посмотрю — сорвусь к чертям ёбанным. Челюсти сжимаю, будто это мне как-то поможет.

— Деньги нужны, брат, — голос сладкий, как блядский

сироп. — Совсем чуть-чуть. Пять лимонов.

Теперь поднимаю глаза. Смотрю на его ухмыляющуюся рожу. Кулаки так и чешутся раскрасить его физиономию и сломать пару рёбер. Он серьёзно? Пять лямов? За просто так?

— Ты охренел? — спрашиваю спокойно. Пока спокойно.

— У меня долги, Олег. Сам знаешь, как оно бывает. Подарки, игры, женщина. Если долги не отдам — мне голову открутят. А я твой брат, между прочим.

Брат. Сука, как же бесит это слово из его рта. Мы не братья с того дня, как я застал их. Он перестал им быть, когда она застонала под ним. Когда посмотрела на меня и даже не моргнула. Хотя он им и не был. Я, блять, о нём не знал до смерти отца.

И главное, я с 18 лет за отцом хвостом ходил, меня готовили на это кресло, а это ублюдошный жил не тужил, пока наш батя кони не двинул. А теперь я его видите на содержание должен был взять. Хорошо хоть мать это всё не застала.

— Какой ты мне нахуй брат? — голос становится тише. Это страшнее крика. — Ты сын шлюхи, которую мой отец трахал, пока мать дома ужин готовила. Ты не брат. Ты ошибка, на которую он решил забить.

Илья меняется в лице. Улыбка сползает, глаза становятся злыми.

— Отца не трогай. Он нас обоих признал.

— Он тебя вписал в завещание, потому что совесть заеба-

ла. А я тебе и так плачу каждый месяц. Ты нихера не делаешь для завода. Ты даже не знаешь, где у нас цеха находятся.

— Я не обязан знать, — откидывается на спинку. — Моя доля — мои деньги.

Моя доля. Он говорит о деньгах, а я смотрю на его руки и вспоминаю, как эти руки лежали на её талии. Как она потом пришла ко мне собирать вещи и сказала: «Ты слишком холодный, Олег. Ты вечно на своём заводе. В голове только деньги да пистолеты твои.»

Вот же блядь. Как будто я не давал ей всё, что она хотела.

— Твоя доля — семь процентов, — встаю из-за стола. — И я тебе плачу в два раза больше, чем ты заслуживаешь. Ты получаешь бабки за то, что не вставляешь палки в колёса. Это твоя работа — сидеть тихо и не высовываться.

— Я хочу пять миллионов, — упрямо повторяет этот гу-бошлёп селькахозяйственный. — Сверх моей доли. Отдашь — и я уеду в отпуск. Не буду тебе мешать полгода.

Отпуск. Он хочет уехать на мои деньги. Возможно, с ней. С моей бывшей женой Ирой, которую он увёл. И я должен ему ещё и за это платить?

Я смотрю на него и чувствую, как что-то закипает в груди. Кровь приливает к лицу, кулаки сжимаются сами.

— Ты, блядь, серьёзно? — начинаю тихо. А потом меня прорывает. — Ты приходишь ко мне в кабинет, садишься нахуй на моё кресло, которое я сраным потом и кровью заработал, и просишь у меня пять лямов, чтобы проебать их в

казино где-то за бугром? Да пошёл ты на хуй!

Я срываюсь. Первый удар приходится в стол, отчего тот начинает трещать, а в столешнице остаётся вмятина.

— Я тебе и так плачу! — ору, не сдерживаясь. — Ты понял, мудила? Ты нихера не делаешь! Ты даже на собрания не приходишь! Ты получаешь деньги за воздух, а теперь хочешь ещё?

В голове — её лицо. Как она смотрела на меня снизу вверх, когда уходила. «Олег, ты же сильный. Ты справишься». А сама уже знала, что идёт к нему. К этому ублюдку в дорогом пиджаке.

Илья бледнеет. Поднимается, отодвигается к двери.

— Ты псих, — говорит тихо.

— Я псих? — смеюсь. Ржачно так, с надрывом. — Я псих, потому что не даю тебе проебать мои деньги? Ты сначала отработай то, что получаешь. На завод приди. В цеха спустись. Узнай, как болты крутить. А потом приходи просить. Ты хоть знаешь, что мы производим?

— Оружие.

Он сказал это. Быстро. Как школьник, который выучил урок, но не понял ни хера. Оружие, блядь. Мы производим десятки видов. Он хоть один назвать сможет? Для кого, кому, как?

Он уже у двери. Оборачивается, хочет что-то сказать, но я перебиваю:

— Вали, Илья. Пока я тебя сам не вынес.

Как только дверь закрывается, у меня срывает предохранители. Новый удар кулаком по стене — гипсокартон хрустит, боль пронзает руку, но мне насрать. Второй удар. Третий. Смотрю на разбитые костяшки, на кровь на стене. Рука пульсирует, а я будто упиваюсь этой болью.

Та ночь, когда я застал их. Я стоял в дверях, сжимал ключи от машины, а она смотрела на меня и молчала. Даже не извинилась. Просто натянула простынь и сказала: «Ты пришёл не вовремя».

Ебаная жизнь. Мозги кипят, тело аж трясёт от не выпущенной до конца злости.

Нажимаю кнопку селектора.

— Лика, зайди.

Секретарша заходит как испуганный зайка. Смотрит на мою руку, на стену, молчит. Лика знает. Она умудряется узнавать всё, не спрашивая меня напрямую. Бесценный секретарь. Вот только мне нужны другие её навыки.

— Закрой дверь, — говорю.

Она закрывает. Спина прямая, смотрит на меня уже открыто.

— На колени.

Тишина. Она не двигается. Блаяя... Всё надо дважды повторять, что ли?

— Олег Владимирович, я...

— Я сказал, на колени, — цежу сквозь зубы. Мне нужен секс. Мне нужно, чтобы кто-то подчинился. Чтобы я хоть

что-то контролировал в этой жизни прямо сейчас.

Ли́ка поднимает подбородок. Смотрит прямо. Отказывается. Без слов, но это понятно.

— Ой бляяя, — выдыхаю, падаю в кресло, нога тут же начинает отбивать ритм. — Какие все правильные. Какие, блядь, принципиальные.

— Я пойду? — спрашивает тихо.

— Иди, — машу рукой. — Иди нахуй, Ли́ка.

Остаюсь один. Смотрю в потолок, сжимаю разбитые пальцы. Больно. И хорошо. Боль напоминает, что я ещё живой.

Ебанный день. Ебанный брат. Ебаная жизнь.

Беру ключи. Поеду в рестик. Выпью. Там девочки поговорчивей. Или хотя бы не смотрят на меня как на чудовище.

Глава 2

Машину гоню — может, от адреналина полегчает. Хуй там. Злость только сильнее. Давлю педаль в пол, подрезаю кого-то на повороте, сигналият — похуй. Мимо проносятся стеклянные высотки, бабки бегущие на автобус, алкаши на скамейках. На улице уже вот-вот минус, а им похуй. Хотя я и сам сейчас с радостью опрокину рокс-другой.

Наконец подъезжаю к ресторану, в котором бываю чаще всего. Паркуюсь как попало, кидаю ключи охраннику и стремительно иду внутрь.

Хостес привычно улыбается сладенько. Анюта. Я помню этот рот округлившимся и менее разговорчивым. Тогда она не улыбалась — рот был занят.

— Олег Владимирович, добрый день, вам как обычно в ВИП?

Она строит глазки, а я прикидываю стоит ли её попросить снять стресс или сегодня Оля на смене.

— Добрый, Анют. Да. Моя свободна?

— Конечно.

Захожу в випку. Плюхаюсь на диванчик. Разглядываю руку. Кровь уже засохла коркой, пальцы распухли. Хрен с ней, заживёт. Не в первый раз.

— Здравствуйте, меня зовут Виола, сегодня я буду вашим официантом. Вы готовы сделать заказ?

Голос тонкий, спокойный. Поднимаю глаза.

Новенькая, что ли? Блондинка. Фартук, хвост, губы бантиком. Фигура — пиздец. Грудь из платья вываливается, задница так и ходит ходуном под юбкой.

Полновата. Я таких обычно не трахаю. Никогда такие не нравились. То ли дело тонкие-звонкие. А на эту смотрю и уже представил, как сжимаю эти бёдра. Надо потрахаться.

— Виски. Двойной. И давай без этого ёбанного сахара в голосе.

— У нас все официантки вежливые, — отвечает. И тут её взгляд падает на мою руку. — Вы руку поранили.

— А ты внимательная.

— Сейчас принесу аптечку.

— Не надо.

Не слушает, блядь. Уходит, возвращается с бинтом. Берёт мою руку без спроса. Пальцы тёплые, давит сильно — специально, что ли? А её сиськи оказываются на уровне моих глаз. Я непроизвольно шиплю и расставляю ноги пошире. Яйца сдавливает, что пиздец.

— Больно? — спрашивает. А голубые глаза хитрые, с прищуром.

— Терплю. Я вообще терпеливый. Особенно когда девушки трогают меня ниже пояса.

Она не краснеет. Даже не моргает, сука. Затягивает бинт так, что я челюсть посильнее сжимаю. А мозг услужливо подкидывает картинку — эта булочка в белом халате. Мед-

сестричка в ролевухе, ммм... Член снова принял команду. Я чуть сползаю, чтобы он хотя бы не так впивался в молнию брюк башкой своей.

Блядь. Надо потрахаться. Я уже как пёс блудливый, на всё, что юбку носит, бросаюсь.

— Готово. Виски двойной?

— Да. И тебя на десерт.

Она даже бровью не ведёт.

— Все доступные десерты представлены в меню. И меня там нет.

Охуеть. И эта принципиальная. Вторая за день. Секретарша отказала, эта ломается. Что за эпидемия?

Разворачивается и уходит. Я смотрю на её задницу. Она качается, как маятник. Я бы вцепился. Раздвинул бы. Вошёл так, чтобы взвизгнула. О, даже интересно, голосок у неё всегда такой тонкий или всё-таки прорезывается, когда надо.

— Блядь, — тру лицо. — Стоит, как кобель на цепи.

Виски приносит. Ставит стакан, поворачивается. Я ловлю себя на мысли, что смотрю не в глаза — в вырез. Грудь натягивает ткань. Белая, мягкая. Следы от лифчика на плечах.

— Вы меня слушаете? — голос ледяной. Как у Лики, блядь.

— Нет. Я на тебя смотрю.

— Очень мило. Вы есть будете?

— Стейк. И тебя было бы неплохо прожарить.

Она выдыхает. Складывает руки на груди — специально,

чтобы закрыться. Но от этого её движения, сиськи только поднялись и стали выглядеть ещё больше. Интересно, у неё соски маленькие или крупные?

— Слушайте, мужчина. Я официантка, а не женщина лёгкого поведения. Если вам нужны другие услуги — обратитесь в другое место. Здесь только еда.

— А если я хочу и еду, и тебя?

— Тогда вы останетесь голодным. И попробуйте воспользоваться правой рукой.

Нихуя себе, девки смелые пошли. Уходит. Гордая, блядь.

— Позови Олю, — кричу в спину.

Она оборачивается.

— Вы не довольны моим обслуживанием?

Её бровь взлетает.

— Доволен. Позови, а не вопросы задавай.

Наконец в випку заходит Оля. Миниатюрная брюнеточка. Уже не раз успокаивала меня злого и пьяного. Ртом. И не только.

— Олег Владимирович, добрый день, вы меня звали?

— Оль, давай без прелюдий. Обычную программу. Чаевые щедрые, сама знаешь.

— Олег Владимирович...

— Я уже тридцать пять лет Олег Владимирович. Для всех, кроме тех, у кого мой член во рту. Оль, хватит слов. Больше дела. Ну что за комедия?

— Я на работе.

— Раньше тебя это не останавливало.

Делаю большой глоток виски. Жжёт горло, я морщусь. Смотрю на её ровные губы — уже представляю их вокруг себя. Карие глаза бегают — то на проход в випку, то на меня. Бесит эта медлительность.

— Я не могу...

— Оль, ну чё началось-то? Давай, милая, на коленочки.

Она нервным движением закидывает волосы, собранные в высокий хвост, за спину. Твёрдого «нет» от неё так и не звучит. Цену набивает. Неумело. Да и поздно, честно говоря.

— Олечка, звезда моя. Дядя злой как чёрт. Надо успокоить. Ты умеешь как надо.

Наконец девица выпускает судорожный выдох. Опускается на колени между моих ног.

Откидываю голову на спинку дивана. Позволяю ей самой расстегнуть ремень. Сам не помогаю. Давай, девочка, поработай.

Член наливается кровью. Как только её язык аккуратно касается головки — кладу руку на её затылок.

Глава 3

Олина голова гуляет вверх вниз. Я смотрю на неё сквозь полуопущенные веки. Кайф прерывает звонок телефона. Я не убираю левой руки с головы Оли, правой смахиваю значок трубки.

— Говори, — отвечаю Льву, моему компаньону. Голос спокойный, хотя внутри уже всё кипит. Спасибо Оле — она старается, не останавливается.

— Лика сказала, Илья приходил, — голос Льва напряжённый.

Упоминание брата — и кровь снова вскипает. Я сжимаю пальцы в волосах Оли, наклоняю её голову интенсивнее. Глубже. Она издаёт хлюпающие звуки, сжимает ткань моих брюк в кулак. Хорошая девочка. Знает, что делает.

— Был, — выдавливаю я. Кайф снова подбирается к яйцам, тепло разливается по низу живота. Сейчас бы закрыть глаза и просто получить своё.

— Судя по звукам, я не вовремя, — Лев усмехается. Знает, гад.

— Подъезжай в «Мятный лист», — говорю глухо. — Оля как раз закончит к этому времени.

Я опускаю взгляд на девчонку. Зрачки огромные, рот в слюнях, по подбородку течёт. Смотрит снизу вверх — преданно, как собака.

— Да, девочка? — глажу её по голове, чувствуя, как она мычит в ответ. — Терпи.

Лев сбрасывает звонок. Я закрываю глаза, откидываю голову на спинку дивана. Сейчас. Ещё минута.

И тут в проёме появляется блондинка. Та самая Виола.

Стоит с подносом в руках, смотрит на нас. На Олю. На мою руку у неё на затылке. На то, чем занят её рот.

Я ухмыляюсь. Вот сейчас начнётся. Сейчас будет лекция о морали, крики про охрану, про то, что она вызовет полицию. А мне мысль о её возмущениях аж яйца скручивает.

Я уже предвкушаю.

— Ну что, — говорю лениво, растягивая слова. — Твоя мораль в ужасе уже пакует чемоданы?

Она молчит.

Я жду вспышки. Скандала. Слез.

А она... просто подходит к столу.

Щёки у неё красные — залившиеся румянцем, это видно даже при тусклом свете. Но голос не дрожит. Руки не трясутся.

Виола молча собирает грязную посуду. Тарелки, салфетки, приборы. Аккуратно, не спеша. Будто у неё в випке обычная уборка, а не живая порнуха в двух метрах.

Сиськи у неё что надо. Третий размер, не меньше. Платье натянуто так, что кажется — ткань сейчас треснет. Я провожаю взглядом каждое движение. Она наклоняется за салфеткой — и я вижу край кружевного бюстгальтера. Дешёвого,

но какая нахуй разница, когда под ним светится край ореола.

И почему я раньше только тощих трахал? Вот же сочная, так бы и покусал.

Но потом она удивляет меня ещё больше.

Виола ставит поднос, подходит к диванчику. Берёт с него подушку — мягкую, декоративную. Поворачивается спиной ко мне, присаживается на корточки перед Олей.

Я лишь мельком успеваю увидеть её лицо, но вижу, как она аккуратно, без лишних слов, подсовывает подушку под колени девчонке. А я плююсь на тот как платье натянулось на её округлой заднице.

Оля замирает на секунду. Потом продолжает. Только теперь ей удобно. Не приходится стоять голыми коленях на твёрдом полу.

Виола поднимается. Не смотрит на меня. Не смотрит на Олю. Разворачивается и идёт к выходу, прихватив поднос.

Спокойно так. Будто ничего не произошло.

Я скольжу взглядом по её спине. По талии, которую хочется обхватить ладонями. По юбке, туго обтягивающей крутые ягодицы. Прикусываю губу произвольно. Слюна как у пса готова течь.

Так и просится, чтобы её укусили. Или шлёпнули. Или раздвинули и вошли, пока она не закричит.

Я даже не заметил, как перестал чувствовать рот Оли.

Весь мой кайф куда-то улетучился. Осталось только бешенство. И желание. Дикое, животное.

Оля мычит, пытаюсь привлечь внимание. Дёргает головой — мол, освободи.

Я убираю руку на мгновение, давай её возможность вдохнуть. Взгляд испуганный, но я не даю ей времени начать думать. И снова наклоняю к члену.

Головка скрывается в её рту раз за разом пока я с хрипым стоном не кончаю. Сперма стреляет ей в горло. Тело наконец получает облегчение хоть ненадолго. Беру салфетки со стола, протягиваю Оле.

А я достаю бумажник. Вытаскиваю пачку купюр — не считая. Пятьдесят? Сто? Хрен знает. Кладу на стол.

— Выйди, — говорю ей. Даже не смотрю.

— А я? — Оля смотрит на меня удивлённо.

— Не сегодня, милая. Это тебе, — киваю на деньги на столе, — иди.

Я улыбаюсь. Потягиваю виски. Смотрю на дверь, за которой она скрылась.

— Виола, — шепчу, пробуя имя на вкус. — Ну погоди, сучка. Я до тебя доберусь.

Глава 4. Виола

Ключ вставляется с третьего раза. Замок старый, скрипучий, но менять никто не собирается. Отчим обещал починить ещё месяц назад. Врал, конечно. Как всегда.

Я захожу в прихожую, тихо закрываю дверь. Свет не включаю — и так знаю, где обувь, где сумку повесить. Стягиваю туфли, ставлю в угол. Ноги гудят после смены.

На кухне горит лампочка. И оттуда тянет перегаром так, что я невольно морщусь.

— Пришла, — слышу его голос. Глухой, пьяный и до чёртиков доставший меня.

Я замираю. Сжимаю ремень сумки. Сердце ухает вниз, но лицо уже привыкло не показывать. Годы тренировок.

— Добрый вечер, — говорю ровно. — Я устала. Пойду в душ.

— Стоять!

Я притормаживаю и перевожу взгляд на него. Какого хрена ему сейчас от меня надо? Я хочу помыться и спать!

Он появляется в дверях. Рубашка расстёгнута, круглый живот наружу, глаза красные, мутные. В одной руке стакан, в другой дешёвая и вонючая сигарета. Пепел сыплется на линолеум, оставляя тёмные следы. Я с сожалением вздыхаю.

— Где деньги? — спрашивает, покачиваясь.

— Какие деньги? Я вчера отдала.

— Мало, — цедит. — Коммуналка выросла.

— Коммуналка не выросла. Ты просто пил три дня.

Он делает шаг вперёд. Я не отступаю. Научилась. Если покажешь страх — он почувствует. И тогда будет хуже.

— Ты с кем разговариваешь, сучка? — голос становится тише. Это страшнее крика.

— С тобой. С кем ещё здесь разговаривать, мать умерла два года назад.

Я закатываю глаза и делаю шаг в сторону ванной.

— Иди на кухню. Там посуда грязная. Пол немытый.

— Я не буду мыть посуду за тобой, тем более в двенадцать ночи. Я с ног валюсь.

— Я сказал — иди!

Он орёт. Брызги слюны летят в лицо. Я не моргаю, хотя от омерзения готова вывернуть наружу содержимое желудка.

— Нет.

— Что? — замирает. Удивлённый, что я перечу.

— Нет, — повторяю. — Мой сам. Или научись нанимать уборщицу на свои деньги. Если они у тебя есть.

Он резко бросает стакан. Тот разбивается об стену в двух сантиметрах от моей головы. Осколки летят в волосы. Я вздрагиваю, но не отступаю. Нельзя.

— Ты, блядь, забываешься, — шипит, подходя вплотную. — Кто тут хозяин?

— Хозяин тут тот, кто квартиру оплачивает, — говорю тихо. — А оплачиваю её я. Вся мебель моя. И еда моя. Если

бы ты не был прописан, уже бы шлялся по улицам.

Он хватает меня за руку.

Пальцы железные, въедаются в кожу. Держит так, что кости трещат. Я пытаюсь вырваться — бесполезно. Силы разные. Он мужик, сто кило пьяного мяса.

— Отпусти, — говорю спокойно. Голос не дрожит. Хотя больно. Очень.

— Будешь знать, как рот открывать, — выдыхает мне в лицо перегаром. — Мать твою шлюху вспомнила, да? Вся в неё. Такая же — язык без костей.

— Отпусти, — повторяю. Уже через силу.

Он сжимает сильнее. Я чувствую, как под пальцами лопаются капилляры. Завтра будет большой и чёрный синяк.

— Я кому сказал — на кухню! Посуду мыть!

— Пошёл ты, — выдыхаю.

На секунду он замирает. Не ожидал. А потом разжимает пальцы, и я отлетаю к стене. Удар плечом о косяк — воздух вышибает из лёгких.

— Сучка, — бросает уже в спину. — Жить надоело.

Он разворачивается и уходит на кухню. Через секунду слышу, как открывается холодильник. Звякает бутылка. Успокоился. Своё получил.

Я стою у стены, сжимаю ушибленную руку. Дышу глубоко, чтобы не разрыдаться. Слезы — это слабость. А слабость он чувствует за версту.

Смотрю на запястье. Уже краснеет. Пальцы отпечатались.

Закрываю дверь в комнату. На защёлку. Она старая, не держит, но так хоть какой-то звук, если решит зайти. Слышу, как он матерится на кухне, грохает посудой.

Прислоняюсь спиной к двери. Сползаю вниз. Утыкаюсь лицом в колени.

— Ещё немного, — шепчу в темноту. — Ещё немного, и я съеду. Ещё немного.

Рука пульсирует болью. Но это ничего. Главное — не сло-маться сейчас.

Потому что завтра снова на смену. И там — этот наглый мудака с перевязанной рукой. Который смотрит так, будто раздевает.

Хотя по сравнению с отчимом он кажется почти безобид-ным.

Почти.

Глава 5. Олег

Просыпаюсь от того, что кто-то сопит в ухо. Открываю глаза. В доме тихо, только холодильник гудит где-то на кухне.

И это блядское сопение.

Поворачиваю голову. На подушке — макушка. Волосы крашенные, чёрные, с рыжими отросшими корнями. С Леной мы видимся регулярно последние месяца два. Её старательность и раскрепощённость в сексе перекрывают внешние недостатки. Хотя мне на ней не женится, так что главное, чтобы башка вверх смотрела от неё, а остальное похер.

В прошлый раз Лена правда сказала, что влюбилась. Я рассмеялся ей в лицо. Она, конечно, губы надула, будто они и так не на пол лица. Через три дня сама приползла на карачках. Теперь молчит про чувства — выучила наконец.

Смотрю на неё. Вот вроде и симпатичная, но совсем же не умеет себя подать. Лицо размазанное — тушь потекла, губы опухшие, сосиски какие-то. Спит с открытым ртом, слюна на подушке. Простынь сбилась, из-под неё торчит голая нога в синих разводах — а это уже моя работа.

Дешёво. Вся она — дешёвка ебаная. Татуировка на пояснице — розочка с шипами, как у проститутки из девяностых. Ногти наращённые, два уже обломаны. И запах от неё — сигареты и дешёвые духи. Причём, я ж ей регулярно подкиды-

ваю бабла, могла бы уж за себя взяться, мужика-спонсора себе найти нормального. Красотка, блядь.

Давно можно было бы найти другую постоянную, но с Ленкой просто. Все дырочки даёт обрабатывать, не выделяется «Я не такая, я жду трамвая». И такая, и даёт.

С меня хватит.

Выбираюсь из кровати.

Иду в ванную босиком по холодному полу. В зеркале — заросшая щетина, под глазами круги, на правой руке бинт. Виолы работа. Аккуратно так замотала, ровно. В больнице бы такой перевязке позавидовали. Пальцы её вспоминаю — тёплые, уверенные.

Вот же сучка в голову залезла! Надо вытравливать как тараканов!

Падаю на пол в упор на руки.

Отжимания. Раз. Два. Десять. Пот капает на ворс коврика. Пятнадцать. Двадцать. Рука болит, но хер с ней — терплю.
— Пятьдесят, — выдыхаю в пол. — Шестьдесят.

Чтобы ни было, а форму держать я себя заставляю. Поднимаюсь. Сердце колотится, дыхание сбито, но голова прояснилась. Немного.

Поворачиваюсь под душ. Вода горячая, почти кипяток. Обжигает плечи, спину. Стою, упираюсь ладонями в плитку, жду, пока боль смоем остатки сна. Вода на пол летит, нахуй мне этот пол — потом уборщица придёт.

Из головы не идёт Виола. Её голубые глаза и задница, ко-

гда она подкладывала подушку той шлюхе. Без страха. Без брезгливости. Просто сделала и ушла. Будто для неё это норма.

Я таких не понимаю. Вроде и святую строит из себя, и тут же от чужого минета не морщится. Подошла, подсунула под колени — и всё. Даже не посмотрела на меня. И от этого бешусь.

Выключаю воду. Растираюсь полотенцем, бросаю его на пол. Выхожу из ванной голый — похуй, я у себя дома.

Шлёпаю босыми ногами на кухню. Привычными движениями ставлю маленькую чашку к кофемашине. Клацаю по сенсорным клавишам. Машина оживает, по дому разносится треск перемалываемых зёрен, шипение пара и кофейный запах.

Делаю глоток не дожидаясь, когда кофе остынет. Жгучий, горький. Второй. Третий. Блядь, язык обжигает, морщусь, но как мазохист — делаю новый глоток.

В комнате что-то шуршит. Слышу Ленин голос — сонный, сиплый, будто кирпичей нажралась.

— Олег? Ты уже встал?

Не отвечаю. Пью кофе, смотрю в окно. Сколько бабла было вложено в этот ландшафтный дизайн — пиздец. Что тогда не понимал, нахера, что сейчас. Хотя и хер с ним. Красиво. Туи рядками, газон есть, бассейн тоже. Для понтов, блядь. Бывшая жена ж так хотела. Сукааа... Нахуй вспомнил!

— Олег! — уже громче, с истерикой в голосе.

Захожу в спальню. В нос сразу бьёт запах пота, спермы, сигарет. Морщусь.

Она сидит на кровати, натягивает простынь на грудь. Волосы торчат в разные стороны — патлы крашенные, глаза испуганные, как у оленя в свете фар. Ищет свою одежду по всей комнате, шарит под подушками. Я молча прохожу к тумбе, беру в руки телефон. Сразу захожу в такси и следом в онлайн банк.

— Я такси тебе вызвал, — говорю, не глядя на неё. — Через двадцать минут будет у ворот.

— Чего? — моргает, не понимает или прикидывается.

— Такси, говорю. Через двадцать минут. Успеешь умыться, ебало своё привести в порядок.

Она обиженно поджимает губы — бантиком сложила. Смотрит на меня, ждёт чего-то. Кофе мне предложить? Позавтракать вместе? Пожалеть её, блядь?

— Ты чего такой грубый? — голос дрожит.

— Я всегда такой, Лена. Ты не в первый раз здесь, могла бы уже привыкнуть. Одевайся. Я тебе на карту матпомощь кинул.

Она что-то бормочет под нос — то ли «козёл», то ли «ненавижу». Вылезает из кровати, голышом топает в ванную. Задница у неё ничего, но уже надоела. Громко хлопает дверью — обиделась, блядь.

Я допиваю кофе, иду одеваться. Костюм, рубашка, туфли. Всё чёрное. Как моя душа, если верить бывшей жене. Это

ещё смешнее, если учесть, что именно она мне наставила рога.

Когда выхожу в прихожую, Лена уже стоит у двери. Платье короткое — пизда наружу почти, каблуки высокие. Даже утром выглядит так, будто идёт на панель. Навела марафет — подвела глаза, губы накрасила. Смех, да и только. Но хоть не так позорно как было.

— Пока, Олег, — бросает и выходит, даже не обернувшись.

Дверь закрывается. Я выдыхаю. Звонок от такси — машина приехала, ждёт.

Хорошо. Свободен, блядь. Открываю окна на проветривание, оставляю записку домработнице и деньги.

Глава 6. Олег

Секс и алкоголь — это, конечно, вкусно, но работу я не проёбываю. Утро после бурной ночи — голова трещит, но мозг уже включается на деловой лад. Привычная чёрная рубашка, выглаженные брюки, ремень с тугой пряжкой — всё на месте. Бросаю быстрый взгляд в зеркало: глаза чуть мутные, но без следов вчерашнего. Лёгкий запах дорогого одеколona перебивает остатки перегара — сойдёт.

Прыгаю за руль, откидываю спинку, даю газу — машина слушается охотно, мотор рычит, как зверь. Я люблю, когда под капотом настоящий двигатель, не эта новомодная хуета с турбинами. Похуй на пробки — у меня на каждую развязку есть свой путь, давно изучил город как свои пять пальцев. Музыка в колонках орёт, но не заглушает мысли. За пятнадцать минут доезжаю — рекорд даже для меня.

Выхожу из машины, на ходу застёгиваю пиджак, поднимаюсь по лестнице. У офиса всё как всегда: коридор пахнет кофе и бумагой, но сегодня воздух будто гуще, вязкий. Подхожу к своему кабинету — Лики, моей секретарши, нет, но комп уже включён, экран светится голубым. Дверь в офис приоткрыта, что-то не так. Захожу на автомате, палец привычно скользит по выключателю, но тут же замираю на пороге. Мышцы напрягаются, как у зверя перед прыжком. Как же он меня достал, этот паразит!

Илья сидит в моём кресле — развалился, как у себя дома. Ноги закинул на стол, ботинки оставили следы на полированной поверхности. В руках — папка с синей обложкой, которую я всегда держу под рукой последние недели. Документы по новому производству, все расчёты, схемы, планы.

Листает, сука, будто свои собственные бумаги перебирает, даже закладочки мои небрежно перелистывает. На нём дорогой пиджак — полтора ляма минимум, купил, хвастался, что сам выбирал в Милане. На запястье сверкает «Ролекс», между прочим, за счёт моих же дивидендов. Морда самодовольная, как у кота, который только что сожрал сметану и теперь собирается насрать прямо на золотой унитаз. Сидит, ухмыляется, будто праздник у него.

Внутри всё закипает. Кровь приливает к лицу, уши горят, в висках стучит. Кулаки сжимаются сами по себе, ногти впиваются в ладони. От злости темнеет в глазах — как же хочется врезать! Но нельзя, пока нельзя — слишком много людей в офисе, лишние свидетели ни к чему.

— Ты, блядь, охренел, Илья? — выдавливаю сквозь зубы, захлопывая за собой дверь. Голос тихий, почти шепот — но я знаю, что так страшнее, чем если бы орал.

Он поднимает глаза. Улыбается, гадёныш, медленно, с вызовом. Даже не торопится убрать ноги со стола, будто проверяет, до какой черты я дойду.

— Доброе утро, братец. А ты рано. Я думал, ты до обеда с бабами валяешься, — тянет, расплываясь в своей мерзкой

ухмылке.

— Что ты там думал, меня не ебёт. Встал с моего кресла, — бросаю, глядя прямо в глаза. В голосе ни капли эмоций, только холодная сталь.

— А если нет? — наглость его так и прёт, в каждом движении, в каждом жесте. Он что-то задумал, я это чувствую кожей. В глазах у него уверенность, будто козырь в рукаве припрятал — и вот-вот вытащит.

Я подхожу медленно, не спеша, чеканя шаг. Каждый шаг — как удар молота. Останавливаюсь вплотную перед столом, нависаю сверху вниз, давая понять, кто здесь альфа. Он знает, что я могу ему ебало разбить прямо сейчас. Но знает и то, что пока не ударю — слишком много поставлено на кон.

— Я не буду повторять, — говорю спокойно, но голос мой режет воздух как нож. — Убрал ноги с моего стола. Отложил мои документы. И встал с моего кресла.

Он замирает на секунду, будто решает — съехать по-хорошему или продолжать ломать комедию. В его глазах мелькает упрямство, губы скользят в кривую усмешку, но взгляд — цепкий, колющий. Всё же медленно убирает ноги, демонстративно, будто делает мне одолжение. Папка летит на стол с легким шлепком. Он встаёт, будто нехотя, но всё равно вынужден подчиниться. Обходит кресло, но не спешит уйти — останавливается напротив.

— Я по делу, Олег, — говорит, и каждое слово тянется, словно он взвешивает каждую букву на весах.

— Слышал уже. На пять лимонов. Я тебе ответил. Иди нахуй, — бросаю коротко, не моргая.

— Теперь сумма выросла, — ухмыляется, на этот раз по-настоящему, зубасто. — Десять.

Я замолкаю. Молча смотрю на него, прожигая взглядом, будто собираюсь прожечь дыру в его лбу. Он не отводит глаз, не мигает. Не шутит, сука. Совсем берега потерял — я вижу это по тому, как он выпрямился, как держит руки, как перестал ерзать.

— Ты охренел, — в голосе больше удивления, чем злости. — Ты в конец охренел, Илья. Какие десять лямов? Ты за день с пяти на десять переобулся? Ты там что, кокса перехавал с утра пораньше?

— Мне нужны деньги, — улыбка исчезает. Лицо становится каменным, скулы заходят ходуном. — И ты мне их дашь.

— С хуя ли?

— А с того, — он бросает взгляд на папку, — что я видел расчёты. Ты готовишь новый проект. Я прав?

Глава 7

Внутри всё сжимается в ледяной комок. Я не подаю виду, лицо у меня чугунное, но внутри — холод, как будто в меня плеснули ведро ледяной воды. Он копался в моих бумагах. Что он успел увидеть? Насколько глубоко копал?

— Ты в моём кабинете без спроса рылся? — спрашиваю тихо, каждое слово тяну, как струну, готовую оборваться.

— Ты не закрыл дверь, — пожимает плечами, будто объясняет очевидное. — Я зашёл подождать. А тут папка лежит открытая. Я из вежливости хотел закрыть, а там — интересное.

— И что же ты там увидел? — я не повышаю голос, но в комнате будто становится теснее.

Он прищуривается, изучает меня, будто пытается понять, насколько далеко может зайти. Вижу, как у него в голове крутятся мысли — врёт или нет, знает или блефует.

— Достаточно, чтобы понять: у тебя на кону большие бабки. И тебе не нужны проблем. А я могу устроить проблемы, Олежа.

— Ты пиздишь, — бросаю с нажимом. — Ты нихуя не знаешь. Ты видел какие-то бумажки, но ты даже не понял, что там написано. Потому что ты тупой, Илья. Ты в школе еле-еле до девятого дотянул, а теперь хочешь играть в бизнесмена? Ты даже выручку от прибыли не отличаешь, а что

уж говорить о лоббизме.

Он резко краснеет, по щекам ползёт пятно, на шее вздуваются жилы. Я попал в болевую, вижу, как он едва сдерживается, чтобы не взорваться.

— Ты пожалеешь, — шипит сквозь зубы, глаза становятся злыми, пронзительно-узкими, как у змеи, готовой к броску.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю. Я приду за своими деньгами. Если по-хорошему не дашь — заберу по-плохому.

Он резко разворачивается, хлопает дверью на выход, оставляя за собой тяжёлый, липкий воздух. Я падаю в кресло. Сиденье ещё тёплое — мерзкое ощущение, будто он до сих пор тут, как шлейф дешёвых духов. Тошнит.

Блядь. Не вовремя. Совсем не вовремя.

Но сначала — как эта тварь оказалась здесь? Вскидываю, вылетаю в приёмную. Лика сидит за столом, бледная как мел, глаза бегают, руки сцеплены в замок. Сегодня по делу — не до флирта.

— Скажи мне, мой дорогой секретарь, как так получается, что посторонние так легко получают доступ к моему кабинету и к моим документам, а?!

Я приближаюсь к ней, шаг за шагом, как загнанный зверь, ощущая, как нарастает злость, как хочется вцепиться в кого-нибудь, чтобы спустить пар. Она хлопает длинными ресницами, смотрит на меня снизу вверх — молчит, как будто слова застряли в горле.

— Я задал вопрос.

Слова повисают в воздухе. Лица моргают, губы дрожат, пальцы теребят край платья — явно ищет, за что зацепиться, чтобы не рухнуть прямо здесь, у двери. Я не отвожу взгляда, держу её в прицеле, как прижимаю к стенке, чтобы не дать ни малейшего шанса отскочить.

— Извините, я... видимо, когда папку заносила, не защёлкнула замок, а потом я отошла... я не знала, что он внутри... — голос её срывается на хриплый шёпот, она смотрит в пол, будто надеется, что я смягчусь, если не встречу её взглядом. Но я не размягчаюсь.

— Лица, девочка моя, — цежу сквозь зубы, — твой косяк может стоить мне десять лямов. И при этом, заметь, ты даже не трахаешься со мной. — Заметно, как она вздрагивает, ресницы взметнулись, но возражать не смеет. — Поэтому учти: ещё хоть один такой косяк — и мы прощаемся. Без разговоров, без соплей. Ясно тебе?

— Да, — выдыхает она, и этот её тон — тон забившейся овечки, которую только что ткнули носом в грязь. Вижу, как она сжимает кулаки, но тут же расслабляется, проглатывает обиду, будто это обычный рабочий день.

— А теперь кофе мне принеси. И постарайся не отсвечивать сегодня. Лучше вообще растворись. — Отмахиваюсь, будто прогоняю надоедливую муху, и разворачиваюсь на каблуках, не давая ей опомниться.

Вхожу обратно в кабинет и только захлопываю за собой

дверь, как тут же загорается экран телефона— Лев звонит. Беру трубку почти автоматически, пытаюсь сбросить раздражение с лица, но голос всё равно звучит жёстко.

— Сегодня в три встречаемся в «Мятном листе» с депутатом Аркашовым, — он начинает без предисловий, — шанс на переговоры по тендеру только сегодня.

— Принял, — коротко бросаю. Нет ни сил, ни желания уточнять детали.

Сбрасываю звонок. Откидываюсь на спинку кресла, позволяю себе пару секунд тишины. Смотрю в потолок, задерживаюсь в этом состоянии между вдохом и выдохом, будто бы надеюсь, что сейчас из ниоткуда появится решение всех проблем.

Но перед глазами — ни Ильи, ни кипа документов, ни даже эта несчастная Лика. Нет. Всплывает она: блондинка из кафе, Виола. Улыбка странная, взгляд упрямый, движения уверенные, от них невозможно оторваться.

Усмехаюсь, сам себе. Как же это всё банально и, чёрт побери, сложно одновременно. Брат хочет денег. Любовницы требуют внимания. А эта... эта только и хочет, чтобы её оставили в покое, но почему-то встречается в чужие жизни, помогает тем, кто и не просил. И при этом...

— Ведьма, блядь, — выдыхаю в пустоту, не скрывая ни досады, ни странного восхищения. — Чистой воды ведьма.

Достаю сигарету из пачки, щёлкаю зажигалкой и затягиваюсь прямо в кабинете, чувствуя, как едкий дым немного

притупляет злость и усталость, хотя, по правде, только сильнее давит на виски.

Глава 8. Олег

В два часа мы со Львом выезжаем в «Мятный лист».

Машина едет сама — я держу руль, но мысли где-то в стороне, будто всё происходит не со мной. Лев сидит рядом, листает свой телефон, но я знаю — он тоже парится.

— Слушай, — начинаю первым. Не люблю молчанку в машине — от неё мысли в голову лезут разные. — По Илье что думаешь?

— А что думать? — Лев откладывает телефон. — Тварь он. Но юридически чист. Долю свою имеет право требовать.

— Требовать — да. Получать — нет.

— Ты жёстко, — усмехается. — Олеж, мы с тобой это завод считай зубами выгрызали, а эта шалупонь из пупка нас по миру пустить может. Я ж не для того, бабки вваливал, чтобы долю иметь, а прибыль нет. Надо прессовать его.

Я молчу, выруливаю на трассу. Подрезаю кого-то — сигналят, похуй.

— По цехам что? — спрашиваю. — «Вепрь» дособируют?

— Послезавтра последнюю партию отгружаем. Заказчик доволен, говорят, даже премию выпишут.

— Нахуй мне их премия, — отмахиваюсь. — Мне чтобы стволы не клинило на холостом ходу. В прошлый раз на полигоне «Вепрь» зажевал подачу. Позорище.

— Это был брак единичный, — Лев серьёзнее. — Мы

заменили узел подачи. Новая партия на фрезерных с ЧПУ шла, там допуски минимальные.

— Допуски, блядь, — цежу. — Я на заводе вчера был. Смотрел «Буревестник» новый. Затворная рама люфтит. На полмиллиметра. Но люфтит.

— Это на тестовом образце. Мы подгоним. На меня бурагозить за зря не надо.

— Подгоните, — киваю. — К тендеру чтоб как часы работал. Аркашову покажем — пусть руками пощупает. Человек он старый, в оружии понимает. Если «Буревестник» его убедит — считай, полдела сделано.

— А если нет?

— Если нет — значит, будем гражданским стволом дальше торговать. Конкуренты сожрут.

Лев вздыхает. Тоже понимает, что на кону.

— Кстати, — говорит. — По станкам. Немцы подтвердили поставку через три недели. Пять новых обрабатывающих центров.

— Хорошо. А людей кто учить будет? Старые токари на советском дерьме работали, а тут ЧПУ, цифры, программы.

— Я нашёл трёх молодых. С опытом. Завтра придут знакомиться.

— Посмотри сам. Нам сейчас косяки не нужны, сам знаешь.

Сворачиваю на парковку «Мятного листа».

Выходим. Солнце в глаза — режет, но внутри ни капли

тепла. Одна хуйня на душе. Всё бесит. Илья, завод, тендер. И эта... Виола. Которая из головы не идёт. Ну что за наваждение? Обычная официантка, полноватая, с принципами. А я как кобель на цепи — всё туда же.

Анюта на ресепшене — улыбка на все тридцать два, помада алая, зубки ровные. Помню, как недавно этими губами старалась. Старалась так, что аж глаза закатывались. Вот это ротик был — хоть сейчас на обложку. А мне похуй. Прохожу мимо, даже не киваю. Вот так, Анют. Дожили.

— В випку? — голосок сладкий, как сироп.

— Да. Там посидим. Не в зале же рожей светить, — бурчу не оборачиваясь.

Заходим. Всё как в прошлый раз: диваны кожаные, стол дубовый, массивный, шторы бархатные, тяжёлые. Свет приглушённый, лампы едва горят, в углах — мягкие тени. Сажусь на своё место — у стены, чтобы дверь видеть. Люблю контролировать входы-выходы. Лев напротив, папку с бумагами кладёт на край стола — аккуратно, но под рукой.

— Закажем чего? — спрашивает, расстёгивая пиджак.

— А чего на сухую сидеть, — бросаю взгляд на кнопку вызова.

Лев усмехается. Ухмыляется, гад, но молчит. Умный.

Жму кнопку. Тишина. Секунд двадцать — и дверь открывается.

Вот это фигура! Вот это грудь! Вот это задница!

Виола.

Фартук белоснежный, волосы — серебром отливают, собраны в высокий хвост, ни одной выбившейся пряди. Губы бантиком, взгляд прямой, спокойный. Платье сегодня тёмно-синее, с длинным рукавом. Хотя в зале душно. Прячет что-то под этими рукавами? Щёки румяные, без макияжа, глаза чистые, серые. Ни страха, ни злости — только ровное безразличие.

Сучка хочет меня? Или нет? Хер пойми. Стоит такая правильная, вся из себя неприступная. А у меня уже член в штанах шевелится, только смотрю на неё.

— Добрый день, — голос ровный, спокойный, ни единой эмоции. — Что будете заказывать?

Лев рот открывает, но я опережаю:

— Минералку. И виски двойной. А ты что будешь? — смотрю на Льва, чтобы не смотреть на Виолу. Не получается. — Американо. И воды.

Виола кивает, записывает в блокнот. Кисть лёгкая, движения быстрые, отточенные. Руки у неё — пальцы длинные, ногти коротко стрижены, без лака. Всё просто, но аккуратно. Помню, какие они были тёплые и уверенные, когда бинтовала меня. Помню каждое прикосновение. Сука, даже сейчас мурашки по спине.

Она тянется к меню — убрать со стола. И тут рукав платья задирается выше локтя.

В глазах темнеет.

На запястье — синяк. Огромный, багрово-жёлтый по кра-

ям, чёрный в середине. Размером с мужской кулак. Не сегодняшней — края уже заживают. Кто-то сжал эту тонкую руку так, что кости трещали.

Внутри всё обрывается. Будто кто-то резко дернул за нить, на которой держалось моё спокойствие. Кровь сначала уходит из головы — в ушах шум. Потом приливает обратно, и я слышу, как стучит в висках. Кулаки сжимаются сами, ногти впиваются в ладони.

— Что это, блядь? — спрашиваю тихо. Так тихо, что сам себя не узнаю. Голос ниже обычного, почти шёпот, но в нём — железо. Это страшнее любого крика.

Лев замирает. Смотрит на меня, потом на её руку. Улыбка с его лица сползает мгновенно. Он всё понял.

А я смотрю на Виолу. И жду ответа. Потому что, если кто-то посмел её тронуть — этот кто-то сегодня же пожалеет, что родился на свет.

Глава 9

Лев замирает. Его глаза скользят с моего лица на её руку, лицо каменеет, губы сжимаются в тонкую линию — в одну секунду он из расслабленного мужика превратился в хищника, который почуял добычу. Или угрозу. Я его понимаю.

Виола резко одёргивает рукав, словно пытается стереть след, но мы уже всё увидели. Дёрганое движение — вжих, и рука под стол. Только поздно, сучка. Мы не слепые. Она быстро делает короткий вдох, зрачки расширяются, потом она выпрямляется, подбородок чуть выше. Я не пропускаю — дрожь в уголках губ, сжавшиеся пальцы. Пальцы в кулак — так держатся те, кто боится, но не хочет показывать.

— Ничего, — говорит она, голос хрипит, как будто в горле что-то застряло.

— Я не спрашиваю, — вскакиваю, диван с неприятным скрежетом уходит назад. Аж ножки заскрипели по полу. — Я сказал: что это, блядь?

— Олег, — Лев берёт меня за плечо, пальцы сдавливают, пытается остановить. — Спокойно.

Я скидываю его руку. Не сейчас, Лев. Держись подальше. Я не в том состоянии, чтобы меня трогали.

Я делаю шаг к ней. Она не отступает, но вижу, как напряглась: плечи как струны — вот-вот лопнут, подбородок вверх, ноздри раздуваются, дышит, как загнанная лошадь. Смотрит

прямо — но под этой бравадой плавает страх, едва уловимый, но настоящий. Я его чую. Как зверь.

— Кто? — спрашиваю. — Отвечай.

— Не ваше дело, — выдавливают.

— Будь добра ответить на вопрос, — рычу, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. Ярость и ещё что-то. Бешенство от того, что она не подпускает.

Она упрямо молчит, взгляд её цепко вцепился в меня, ни на миллиметр не дрогнув. Вот же упрямая сучка — взгляд ледяной, но под ним что-то дрожит, как лужа под ветром. Я остро ощущаю запах её духов: сначала резкие, как пощёчина, цветочные ноты, потом мягкое, почти домашнее облако ванили — и где-то под этим кислый, пронзительный страх, который не спрячешь даже за самым дорогим парфюмом. На висках у неё выступает пот, волосы прилипли к коже. Она всё равно не моргает. Гордая, блядь. И это бесит ещё больше.

— Виола, — Лев осторожно встаёт, подходит сбоку, будто боится спугнуть дикую кошку, голос у него тише, мягче, чем у меня, почти просительный. — Мы просто волнуемся за тебя. Это ненормально, понимаешь? Если тебе нужна помощь...

— Ничего мне не нужно, — резко перебивает она, и голос у неё вдруг становится злым, жёстким, даже стальным — ни следа прежней дрожи. — Всё нормально. Я просто упала.

Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони до боли.

— С хуя ли ты упала, чтобы такие синяки были? — не от-

пускаю, не могу остановиться, слова срываются сами собой, как пули из глушителя. — Ты на руку упала? Тут же, блядь, видно отпечатки пальцев. Это мужская рука, не ври мне.

Её лицо стремительно бледнеет, словно кровь уходит куда-то внутрь. Даже губы становятся почти белыми, будто я ткнул в самое болезненное место. Попал в точку, сука. Но она цепляется за остатки гордости, не отступает, только дыхание сбивается, как у загнанного зверя. Грудная клетка ходит ходуном.

— Я сказала, не ваше дело, — выдавливаю сквозь зубы, каждое слово — как выстрел. — Вы заказывать будете или мне позвать другого официанта? Я не обязана терпеть допросы.

Я уже не слышу себя, только глухо гудит в ушах от злости и бессилия.

— Ты...

— Олег, — Лев резко дёргает меня за локоть, рука его неожиданно сильная, пальцы стальные, сжимает больно, будто вынуждая меня вернуться в реальность, — не при ней.

— Нахуй спокойно! — вырываюсь. — Ты видел это? Кто-то её...

Дверь открывается крайне не во время.

Входит Аркашов.

Жирный, лысый, в дорогом костюме. Портфель кожаный, часы «Патек» на пухлом запястье — блестят, сука, как витрина в ГУМе. Улыбается, щурится, довольный жизнью, по-

тому что не видит того, что вижу я.

— Олег Владимирович, извините, что рано. — жмёт мне руку, липкая ладонь. — Освободился пораньше. Думал, вы уже здесь. — Потом смотрит на Виолу, на меня, на Льва. Замечает напряжение, но виду не подаёт. Старый лис. — Я не вовремя?

Виола делает шаг назад. Прячет руку за спину. Лицо снова спокойное, будто ничего не было. Профессионалка, блядь. Надела маску — и порядок. Только глаза выдают — в них ещё плещется тот самый страх, который она так отчаянно прячет.

— Я вернусь через несколько минут, — говорит ровно. Разворачивается и уходит. Даже не взглянула на меня.

Дверь закрывается.

Я стою посреди випки, сжимаю кулаки. Дышу через раз — носом, ртом, не важно. В груди горит. Кровь стучит в висках так, что голова раскалывается.

Лев смотрит на меня. В глазах — тревога. Он знает меня давно. Знает, что если я так завёлся — просто так не успокоюсь. Знает, что я могу натворить.

— Олег, — говорит тихо, чтобы Аркашов не слышал. — Потом.

— Что — потом? — цежу сквозь зубы.

— Потом разберёмся. Сейчас работа. Тендер на кону. Не проеби его из-за бабы.

Аркашов переводит взгляд с меня на Льва. Ничего не по-

нимает, но не спрашивает.

— Проходите, — говорю ему, выдавливая улыбку. Чувствую, как лицо деревенеет, будто гипсом залили. — Садитесь. Давайте по делу.

Сам сажусь на диван. Беру папку, открываю. Делаю вид, что сосредоточен. Лев садится рядом, пододвигает свои бумаги.

Аркашов что-то говорит про тендер, про условия, про проценты. Тычет пальцем в цифры, что-то доказывает, объясняет. Я киваю, отвечаю — на автомате, как робот, у которого сгорел процессор. Мысли не здесь.

Лев толкает меня локтем. Я возвращаюсь.

— Ты слушаешь? — шепчет.

— Да, — вру. Потому что не слушаю. Потому что перед глазами — её запястье, её глаза — испуганные, но гордые.

Как бы мои мысли ни летали то и дело к этой белокурой официантке, но на кону сотни миллионов. Поэтому я силой возвращаю себе деловой лад — собираю волю в кулак, проглатываю злость, заталкиваю её куда-то глубоко, в подвал, где она будет ждать своего часа. Беру папку, смотрю на цифры.

— Так, — говорю Аркашову. — Давайте ещё раз по условиям. Медленно и с расстановкой.

Глава 10. Олег

Аркашов — старый проходимец, я это знал и раньше. Но то, что этот дегенерат вытворяет в випке «Мятного листа» в рабочее время — это даже для меня пиздец.

— Вы извините, Олег Владимирович, — мурлычет он, роясь в портфеле. — Мне нужно немного... сосредоточиться перед разговором.

Я молчу. Смотрю.

Он достаёт маленький прозрачный пакетик. Внутри — белый порошок, мелкий как мука. Достаёт ключ от машины, плоским концом аккуратно высыпает на стеклянную столешницу ровную тонкую дорожку. Скручивает купюру в трубочку — евро, пятидесятка.

— Ты серьёзно, что ли? — спрашиваю. Голос спокойный, но внутри уже всё кипит.

Аркашов поднимает на меня мутноватые глазки. Улыбается.

— Свои люди, Олег Владимирович. Не впервой. Расслабься.

— У меня завод, — цежу. — Мои люди — те, кто стволы собирают и брак отсеивают. А не те, кто дорожки нюхает в рабочее время.

Он пропускает мимо ушей. Прижимает купюру к носу, наклоняется — раз, и дорожки нет. Запрокидывает голову,

трёт переносицу. Жмурится, как кот, которого за ухом почесали.

— Хорошо пошла, — выдыхает. — Давно такого чистого не брал.

Лев рядом молчит, но я вижу — он тоже бесится. Пальцы по папке барабают, губы сжаты, желваки так и ходят. Аркашов нам сейчас пиздец как нужен, выёбываться я особо не могу, но когда он в таком состоянии — от него одни проблемы. Но, чтобы с такой дрянью связываться, это ж надо вообще отбитым на всю башку быть.

— Давай по делу, — говорю жёстко. — Тендер.

Аркашов вытирает нос тыльной стороной ладони, откидывается на спинку дивана. Глаза уже блестят — порошок ударил в голову, включил режим «всё могу, всё решу».

— Слушай сюда, Олег, — говорит, пальцем тычет в воздух. — Тендер через месяц. Госзаказ на боевое оружие — первая партия на триста миллионов. Конкурентов — трое. Дзержинский завод, «Техноимпульс» и ещё одна контора, которая вообще не в теме, но их человек сверху толкает.

— Дзержинский — говно, — вставляет Лев. — У них станки старые, допуски пляшут.

— Знаю, — кивает Аркашов. — Но у них связи в министерстве. А у тебя что?

— У меня качество. И сроки. И немецкое оборудование. И ты.

— Этого мало, — Аркашов понижает голос. — Нужны до-

кументы. Полный пакет: производственные мощности, штатное расписание, сертификаты на каждый ствол, заключение независимой экспертизы. И главное — финансовый отчёт за последние три года. Чистый, без дырок.

Я молчу. Лев рядом начинает листать папку.

— Всё это у нас есть, — говорит Лев. — Кроме независимой экспертизы. Её делают две недели.

— Значит, есть две недели, — Аркашов поднимает палец. — Через четырнадцать дней я должен получить полный пакет. Всё — у меня на столе. Иначе я не смогу вас протащить. Тендер закрытый, но комиссия будет смотреть бумаги. Если хоть одна запятая не сойдётся — вылетаете.

— А откат? — спрашиваю прямо.

Аркашов улыбается. Хитро, по-лисьи.

— Пять процентов сверху. От суммы контракта. После победы.

— Три, — говорю.

— Четыре, — не торгуется. — И никаких «но». Я рискую своей башкой, если вы сорвёте поставки. У вас всё стабильно? Нет проблем с документами? С акционерами?

Я напрягаюсь. Лев тоже замирает.

— Всё в порядке, — говорю ровно.

— А брат твой? — Аркашов смотрит мне прямо в глаза. — Илья? Слухи нехорошие ходят. Если он начнёт тяжбу, замнёт активы — вы не сможете участвовать в тендере. По закону, если есть корпоративный спор, вас не допустят.

Внутри всё холодеет. Сука, откуда он знает? Уши у него длинные, блядь.

— Илья — не проблема, — цежу сквозь зубы.

— Проблема, — Аркашов подаётся вперёд. Глаза серьёзные, мутная пелена спала. — Я тебе говорю, как есть. Пока ты не решишь вопрос с братом — я не могу запустить ваш пакет документов. Потому что, если он подаст в суд через неделю, меня же и урюют. Скажут — а ты чего не проверил, а ты чего допустил?

— Две недели, — говорит Лев. — Нам нужно две недели, чтобы всё закрыть.

— Две недели, — кивает Аркашов. — Ровно. Через четырнадцать дней я жду у себя в кабинете полный пакет. И чтобы ни одного судебного иска на ваши активы. Убери вы этого родственника, чё как девственники в первый секс! Поняли?

— Поняли, — отвечаю.

Аркашов откидывается, снова становится расслабленным. Берёт коньяк, делает глоток.

— Ну а теперь — отдыхаем. Где эта красотка, которая нас обслуживает?

Я сжимаю челюсть. Лев бросает на меня быстрый взгляд — он уже понял, что сейчас начнётся.

— Я позову, — говорю холодно. — Но ты руки при себе держи.

— Ой, да ладно тебе, — машет рукой Аркашов. — Я по

делу, без глупостей.

Нажимаю кнопку вызова.

Дверь открывается через минуту. Виола заходит спокойной, но я вижу — она напряжена. Плечи чуть выше обычного, губы сжаты.

— Что будете заказывать? — спрашивает ровно.

— Садись с нами, красавица, — Аркашов похлопывает по дивану рядом с собой. — Выпьем за знакомство.

— Я на работе, — отвечает Виола, не двигаясь.

— Работа подождёт. Начальник не будет против. Правда, Олег?

Она переводит взгляд на меня — в глазах лёд. Ох не была бы она на работе, по-любому уже бутылка коньяка встрети-лась с головой Аркашова.

— Аркашов, — говорю тихо. — Она сказала — на работе. Не трогай.

— Да я же по-человечески, — депутат не унимается. Встаёт, подходит к Виоле. Смотрит на неё сверху вниз — он выше её на голову. — Ты чего такая неприступная? Мы же не чужие люди. Выпей с нами рюмку, расслабься.

— Отойдите, — говорит Виола. Голос твёрдый, но я слышу — край. Тонкая грань между спокойствием и истерикой.

Аркашов кладёт руку ей на плечо. Пальцы толстые, в перстнях.

— Ну чего ты...

— Руку убрал, — вскакиваю. Диван отодвигается с про-

тивным скрипом.

Аркашов оборачивается. Глаза мутные, но в них уже мелькает понимание — переборщил.

— Олег, ты чего? Я же...

— Я сказал — убери руку, — подхожу к нему. Близко. Вплотную. Смотрю сверху вниз. — Она тебе сказала «нет». Это понятное русское слово. Или тебе перевести на блатной?

Депутат моргает. Смотрит на мои кулаки, на моё лицо. Я сейчас не шучу, и он это видит.

Рука его поднимается. Он делает шаг назад.

— Ладно-ладно... без обид... я же по-дружески...

— Иди на место, — говорю ему как псу. — И сиди там.

Аркашов плетётся к дивану. Садится, надувает губы, как обиженный ребёнок. Берёт коньяк, залпом пьёт.

Виола стоит у двери. Белая как бумага. Смотрит на меня. Глаза блестят — от страха или от злости, хер разберёшь.

— Всё в порядке? — спрашиваю.

— Да, — выдыхает. — Спасибо.

— Иди, — киваю.

Она уходит. Дверь закрывается.

Я сажусь обратно. Беру виски, делаю глоток. Делаю большой глоток — горло обжигает. Жидкость растекается по пищеводу теплом, но не гасит ничего внутри. Второй глоток. Руки всё ещё трясутся — от злости, от бешенства, от того, как близко я был к тому, чтобы разбить этому жирному уроду его ебало.

Аркашов видимо не получив нужного удовольствия быстро начинает сворачиваться. Собирает свои бумажки, портфель, бормочет что-то про дела, про встречи. Я на всякий случай провожаю его на улицу — проверяю, чтобы его водитель забрал. Заодно и сам проветрюсь, а то в випке воздух спёртый от его коньячного перегара и порошковой воню.

Машина отъезжает. Я стою на крыльце, курю. Дым горчит на языке, ветер сдувает пепел в сторону. В голове — грёбаная каша.

Бросаю окурок в урну. Возвращаюсь внутрь.

В зале людно — обеденное время прошло, но народ ещё сидит. Официанты снуют туда-сюда с подносами. Аня на ресепшене улыбается, но я прохожу мимо.

И тут я её вижу.

Виола стоит у барной стойки. Рядом с ней — менеджер или как там его. В общем, явно её начальник. Вышколенный паренёк с идеальной причёской. На его волосах больше геля, чем в сиськах эскортниц. Он что-то ей говорит, она кивает, лицо спокойное, но я вижу — устала. Плечи чуть опущены, под глазами тени.

Иду к ним.

Парень замечает меня первым. Вытягивается, лицо ментально складывается в дежурную улыбку — такую сладкую, что зубы сводит.

— Добрый вечер! — щебечет. — Чем могу помочь?

Смотрю на него сверху вниз. Потом перевожу взгляд на

Виолу. Она замирает. Смотрит настороженно — ждёт под-
воха.

— Я у вас можно вашего официанта украду, — говорю.
— Надолго.

Парень в растерянности сначала смотрит на блондиночку,
потом на меня. Соображает, видимо, что я не тот клиент,
которому отказывают.

— Конечно-конечно, — выпаливает. — Виола, иди, я де-
вочкам твои столы передам.

Он подталкивает Виолу в мою сторону. Легко так, но на-
стойчиво. Не оставляя ей шансов соскочить. Ну хоть тут не
выёбываемся.

Виола бросает на него быстрый взгляд — в нём и злость,
и обречённость. Но она молчит. Поправляет фартук, одёр-
гивает платье. Спина прямая, подбородок поднят — идёт за
мной, как на казнь.

Я разворачиваюсь и иду следом в випку. Улыбка тянет
мою рожу сама по себе.

Глава 11

Виола встала у порога как вкопанная. И не в том смысле «красивая статуя», а в смысле «сейчас ломанется обратно в зал». А что-то даже напрягся слегка, а не отрезать ли ей пути отхода?

— Закрой дверь, — говорю.

Она медлит, а я прям слышу, как у неё весы в голове скрипят, выбирая следующее действие и его последствия.

— Чего вы хотите?

Она так устало это выдаёт, что мне даже не по себе становится.

— Падай на диван. Посиди со мной.

— Вы понимаете, что я в этом ресторане не от скуки, а потому что деньги хочу заработать?

В её голосе праведное возмущение. Как у тетки в очереди, которой на кассе сдачу мелочью дали. Будто я у неё смену украл и теперь за бесплатно выкатываю разговоры.

— Виол, — говорю. — Я что-то не пойму. Я что, жмот на чаевые? Ты давай меня с плинтусом не равняй. Я в этот рестик пару лет исправно хожу и думаю ты должна была докопшматить в башке своей, что Оля ваша мне тут хуй полировала не от того, что у меня красивые глазки. Да и крэйзи меню я что-то на столе не заметил. Всё ж чинно-благородно. Бабки оставляю с оттопыренным пальчиком.

Молчит. Двадцать секунд стоит, изучает как ювелир перед лупой. Села наконец. Внутри пылить уже начинаю. Закидываю ногу на ногу, а носок ботинка то и дело ходит из стороны в сторону.

— Сколько тебе лет? — Вопрос, который меня беспокоил последние пару дней.

— Двадцать три.

Я аж выдыхаю с облегчением, а она смотрит с подозрением. Ну я ж хоть и местами отбитый, но не конченный, чтоб совсем на малолеток смотреть. Хотя и с этой 12 лет разницы, ну нихрена себе.

— Слава богу. Хоть не мелюзга.

— Это такой комплимент?

Усмехнулась и бровь приподняла. Ну хоть какая-то реакция.

— Констатация факта. Я не из тех пассажиров, что по мелким девочкам тащатся. Фу, блять. У меня принцип: чтоб в ресторане вино заказать могла, а не сок в трубочке.

Дернулся уголок губ. Не улыбка — так, тень улыбки. Но я заметил.

— Вы меня украли у начальника, чтобы спросить про возраст?

— Нет. Чтобы спросить про синяк.

Лицо — в камень. Будто я не про руку, а про её эпиляцию между ляжек спрашиваю. Плечи напряглись. Ткань платья натянулась — мышцы в узел. Ой бляяя, вот чего напрягает-

ся-то?

— Я уже сказала. Я упала.

— Врёшь, — говорю спокойно, но внутри уже начинает нагнетаться раздражение. — И ты знаешь, что врёшь. И я знаю. Люди не падают так, чтобы на руке остались отпечатки пяти пальцев.

— Отстаньте от меня. Что вам за дело до какой-то официантки?

Если бы я сам знал ответ на этот вопрос. Но нельзя девочек обижать, если это не моя бывшая. Чувство справедливости обостряется у меня.

— А мне в кайф твои проблемы порешать, — смотрю в глаза. В упор. Не моргаю. — Я по ночам не на бабу дрочу, а на её траблы. Как вспомню, что ты дала повод рожу кому начистить, так хрен встаёт. Фетиш такой.

— Не могли бы вы выбирать выражения.

А тон-то — чистый лёд как в моём роксе. Принцесса из хрущевки. Мою рожу перекашивает от неожиданной предьявы.

— Не понял. Мне что, речь для тебя фильтровать?

— Ну хоть без матов можно?

— Не можно, блять.

Говорю нараспев. Как профессор кислых щей первокурснику теорему объясняю.

— Мат — это не грязь. Мат — это художественное усиление. «Иди нахуй» звучит куда убедительнее, чем «пожалуй-

ста, покиньте помещение». За красивой речью иди к своему полупокеру загеленному.

Она поджигает пухлые губы. Пытается лицо держать, а улыбка прет наружу. Борется сама с собой. Не может выбрать обидеться или заржать?

— Вы так уверенно это говорите, будто защищаете диссертацию по нецензурной лексике.

— А что, есть такая?

— Вряд ли. Но звучит убедительно.

— Слушай сюда, умница. — Подаюсь вперёд. — Я на заводе работаю. Как понимаешь в основном с мужиками, которые с утра до ночи у станков. А вечером — в цех, проверять допуски. Там если начнешь: «будьте так любезны, не сочтите за труд», — тебя сожрут. В первый же день. И не подавятся. У нас язык простой. Либо ты уважаешь, либо в лицо всё. Без реверансов. Мат — это честность. Когда я матерюсь — я не вру. А когда козёл в дорогом костюме цедит: «я вас уважаю», и при этом тебя за руку хватает... Вот это я не понимаю. Это как автомат с кривым затвором: вроде стреляет, а всё мимо.

— Значит грубость для вас норма?

Не унимается праведница.

— А грубость — это защита. Бронежилет. Если я вежливый, ласковый, приторный — меня не боятся. А я хочу, чтобы боялись. Потому что, если не боятся — садятся на шею. А мне моя шея ещё пригодится.

— Бойтесь, что кто-то сядет на ваше место?

— Не боюсь. Знаю, что не сядет. Просто не люблю, когда тратят моё время. А вежливость — это время. Расшаркивания, поклоны, «как ваши дела, Олег Владимирович?» — нахуй. Сказал по делу — разошлись.

— А с женщинами вы тоже так?

В глазах любопытство.

— С разными по-разному. Кто не боится — по-другому. Кто на шею лезет — как с мужиками. Ну а правильную женщину, севшую на шею надо просто развернуть. Она на с той стороны шеи села.

Я ухмыляюсь, а мысленно уже примеряю её. Вот бляяя... Пропадаешь Олежа не по делу.

Не успевает она ответить, в кармане фартука зажужжало. Старый аппарат по ходу. Вибрация как у трактора «Беларусь». Достала. Глянула на экран. Лицо вырубилось. Как свет в цехе при аварии — разом все эмоции в ноль. Сбросила. Убрала.

Десять секунд. Снова. Сбросила. И что-то мне это совсем не нравится. Иозги куда-то не туда начинают плыть.

— Мужик твой, что ли? — равнодушно так, будто похуй.
— Что дёргаешься?

Молчит. В стену смотрит. В пол. Куда угодно, только не на меня.

Третий звонок. Мне ведь и в голову не приходило, что у неё кто-то есть. Хотя ведь ну кто ещё ей мог так приложиться до черноты. И свербит, блядь. Где-то под рёбрами свербит.

— Дай сюда.

— Нет.

— Дай, я сказал.

Встаю. Подхожу вплотную. Смотрит волком снизу вверх. Росточком не вышла. А взгляд — прикурить можно. Две голубые звезды горят. Дышит часто. Ноздри раздуваются.

— Не лезьте в мою жизнь.

— Это я как-нибудь сам решу, вруша.

— Отстаньте. Я сама разберусь.

Очередная вибрация в её фартуке. На этот раз я реагирую быстрее неё. Резким движением влезаю в карман, хватаю телефон и бросив беглый взгляд на экран с Анатолием вместо номера телефона, снимаю трубку.

— Занята, Виола. Перезвонит, если захочет.

Сбрасываю, не дожидаясь ответа и сую руку обратно в карман, возвращая телефон. Чуть медленнее вынимаю руку, скольжу по мягкому животику. Девчонка пыхтит, краснеет-бледнеет.

— Вы что себе позволяете?!

— Я себе всё позволяю. Это ты чего-то жмёшься, стесняешься. Другая бы уже давно двум взрослым дядям рассказала, кто её обидел, мы бы с Лёвой навестили нехорошего человека, объяснили бы как с девочкой надо обращаться. А ты только воздух гоняешь. Ты это... притормаживай. Гипервентиляция тоже тема так себе.

— Вы... вы...

— Слушай, а давай на ты. Что уж тут. Ты меня без трусишек уже видела. Виол, релакс. Ну чего ты когти в ладошки вжимаешь. Рассказывай давай. Кто звонит, кто обижает?

— Олег Владимирович...

Бля, походу перестарался. У неё сейчас капилляры в глазах салюты устроят.

— Ладно. Не хочешь про синяк — не надо. Давай о другом. Ты думаешь, у меня проблем нет? Завод, деньги, тачки. Живу как сыр в масле. Баб меняю как перчатки. Красота, блядь.

— А Вы, конечно, так не считаете, — вот же ехидная.

Чёрт его знает почему, но её этот взбешённый взгляд меня на откровенность растаскивает.

— Есть у меня брат. Илья. Сводный. Сука такая, каких поискать. Отца нашего, пока тот живой был, в глаза не видел. Ни на день рождения, ни на Новый год. А как батя кони двинул — тут как тут, голубчик. Денег требует. А у него доля в заводе, я его скинуть вообще никак не могу. Угрожает.

— А на эти траблы вы тоже дробите?

Нихуя себе языкастая стерва, оказалась. У меня аж при-встал.

— Нет, от этой траблы я профилактируюсь. Ну ты видела. Он жену у меня увел. Девять месяцев назад. Прикинь, застал эту парочку в моём же доме, в моей же постели. Везде сука пролез.

— Так вы поэтому такой? И как вы с этим справляетесь?

Нихера себе психологиня на выезде.

— Работаю. Улыбаюсь, сука. Терплю, как лох. Потому что у меня люди на заводе. Семьи. Дети. Ипотеки. Если я сорвусь и придушу этого ублюдка — они без работы останутся, а меня посадят. И я это дерьмо жру. Каждый день.

Молчит. Долго. Ну может хоть теперь достучусь, что я вроде как тоже человечный. Помочь могу.

— Я знаете, тоже справлюсь. Сама.

— Ну и дура.

Давление в черепушке поднялось слишком быстро. Блять, уламывать девку, чтобы помочь ей ещё не хватало. Кому это вообще надо?

Вскакиваю на ноги, кидаю наличку на стол с запасом для этой упрямицы и стремительно выхожу на улицу.

Глава 12. Олег

Вылетаю на улицу, а там уже ноябрь во всей красе — ветер ледяной, с колючей крупкой не то дождя, не то первого снега, и я замираю на секунду, потому что пиджак у меня не по погоде, но возвращаться в ресторан я не собираюсь, нахуй, лучше околею. Стою у входа, пытаюсь перекурить, но ветер вырывает зажигалку из рук, и я матерюсь сквозь зубы, прикуривая с третьей попытки. Из рта — пар, пальцы дубеют моментально, а в голове всё ещё её лицо и этот её упрямый голос: «Я сама разберусь». Сама она, блядь. С синяком в полруки.

Лев вылезает из заведённой машины, запахивает пальто, поднимает воротник. Смотрит на меня, как на психа, который только что выскочил на мороз в одной рубашке.

— Ты чего рванул? Что там у вас с этой официанткой? Я уж думал не дождусь.

— Ничего, — цежу, затягиваясь. Дым смешивается с морозным воздухом, ветер сносит его в сторону. Я сжимаю челюсть, чтобы зубы не стучали. — Поехали.

— Куда?

— В зал. Отвези. Мне надо грушу побить, иначе я сейчас кому-нибудь что-нибудь сломаю. Может, тебе, — усмехаюсь, но невесело.

Лев качает головой, молча кивает в сторону машины.

Плюхаюсь на переднее сиденье. Лев садится за руль, заводит мотор, выруливает с парковки.

Печка ещё не прогрелась, в салоне дубак. Я тру руки, смотрю в окно на пролетающие мимо фонари. Голые ветки, грязь на обочинах, прохожие в шапках и шарфах.

Лев косится на меня, но молчит. Знает, что, когда я такой — лучше не лезть. Но я сам начинаю.

— Она меня бесит, — говорю, не глядя на него. — Эта Виола твоя.

— Моя? — Лев приподнимает бровь. — Вообще-то это ты на неё запал. Я просто рядом сидел.

— Никто не запал. Просто бесит. Строит из себя непробиваемую, а у самой руки трясутся. И этот мудака, Анатолий, названивает ей каждые пять минут. Я прям чую — это к ней ручонки приложил.

— Олег, — Лев вздыхает, не отрываясь от дороги. — Ты же понимаешь, что это вообще не твоё дело? У тебя тендер горит. Брат в спину дышит. А ты за какой-то официанткой бегаешь, как пацан.

— Никто не бежит! — вспыхиваю, и сам понимаю, что рывкнул слишком громко для замкнутого салона. Лев даже не вздрагивает. Уже привык.

Тишина. Я откидываюсь на спинку, закрываю глаза, но перед веками — её лицо. Глаза голубые, злые, мокрые почти. И этот её голос: «Я сама».

— Давай быстрее, — говорю, не открывая глаз. — Что ты

как дед на «Жигулях» плетёшься.

— Я еду по правилам, — спокойно отвечает Лев. — В отличие от некоторых.

— Плевал я на правила. Жми. Мне реально надо грушу отмудохать. Иначе я сейчас вернусь туда, найду её и вытрясу из неё, кто этот хер с телефона.

— И что ты сделаешь? Убьёшь его?

— Может, и убью.

Лев молчит. Потом добавляет газу. Я смотрю, как стрелка спидометра ползёт вверх, и чувствую, как адреналин понемногу отпускает. Нет, не отпускает. Просто перестаёт жечь изнутри и превращается в холодную, спокойную злость. Таковую, с какой я выхожу на ринг.

— Ты бы поосторожнее с ней, — говорит Лев, не поворачивая головы. — Девочка явно битая. Не в прямом смысле, хотя... судя по синяку, и в прямом тоже. Но главное — она не доверяет. А ты со своим напором только хуже сделаешь.

— Я не напорю. Я помочь хочу.

— Ты хочешь помочь, но делаешь это как танк. А она — не бетонная стена, Олж. Она живая. Ты ей допрос устроил. Она сейчас не о помощи думает, а о том, как бы от тебя подалее держаться.

— Да пошёл ты, — бросаю, но внутри понимаю: он прав. Лев — он вообще редко ошибается. Потому и компаньон. И друг.

— Ладно. Тормози у зала. Дальше я сам.

Лев паркуется у тротуара. Глушит мотор, поворачивается ко мне.

— Олег. Я узнаю, что там за Анатолий. Ты только не натвори глупостей, ладно? Тендер через две недели. Аркашов ждёт документы. Илья что-то задумал, я нутром чую. Ты сейчас нужен здесь, а не в личной вендетте.

— Я тебя услышал, — киваю. — Давай. Завтра утром встречаемся в офисе.

Вылезаю из машины. Ветер сразу хлещет по лицу ледяной крошкой. Запахиваю пиджак поплотнее и почти бегом — в тепло спортзала.

Дальше — всё как обычно. Санёк кивает, бинты, перчатки, ринг. Но в голове — она. И никуда не денется, сколько ни молоти грушу.

Глава 13. Олег

Из зала я выхожу уже ближе к вечеру. Мышцы гудят приятной, тупой болью — так бывает, когда выложился до конца и не оставил на ринге ни грамма лишней злости.

Алкоголь выветрился. Надо бросать бухать. Реакцию тёрю не слабо.

Санёк сегодня гонял меня по полной, ещё и какого-то нового парня выпустил напоследок — здорового, как шкаф, но медленного, так что я успел и размяться, и пару раз хорошо приложиться. Руки дрожат от усталости, но голова наконец-то пустая. Почти.

На такси доезжаю до дома, принимаю горячий душ, но места в доме себе так и не нахожу. Хожу из угла в угол, и что-то всё не так и не то. Натягиваю джинсы, джемпер, хватаю куртку и выхожу из дома.

Запрыгиваю в машину, завожу мотор. Печка дует тёплым, но я всё равно ёжусь — ноябрь пробирается под одежду, под кожу, в самые кости. Улицы мокрые, в свете фонарей лужи отливают бензиновой радугой. Скользко. Я выруливаю на проспект и просто еду, не разбирая дороги. Куда? А хер его знает. Домой не хочется — там пустые комнаты, тишина, холодильник, в котороммышь повесилась, и кровать, на которой я в последнее время сплю один, если не считать ту дуру Лену, но она не в счёт. Лена — это вообще не про одиноче-

ство, это про механику.

Курю прямо в салоне, стряхиваю пепел в узкую щелку окна. Одна сигарета, вторая, третья. Дым слоится, окна запотевают, я приоткрываю форточку — в салон врывается ледяной воздух, но мне похуй. Я думаю. И это херово, потому что думаю я опять о ней.

Мимо пролетают чужие дома, чужие окна, в которых горит тёплый свет. Кто-то там ужинает, кто-то смотрит телик, кто-то орёт на детей, кто-то трахается. Нормальная жизнь, блядь. А я катаюсь по ночному городу, как неприкаянная душа, и не могу выкинуть из головы девчонку, которая моложе меня на двенадцать лет и которая, скорее всего, вообще не хочет меня видеть после сегодняшнего допроса.

Торможу на светофоре. Смотрю на своё отражение в витрине какой-то аптеки. Роза уставшая, под глазами тени, щетина трёхдневная торчит во все стороны. И чего я к ней полез? Чего я вообще к ней лезу? Она же ясно сказала — отстаньте. А я, как тот самый мудак, который не понимает слова «нет», продолжаю нарезать круги вокруг неё, как акула вокруг лодки.

Зелёный. Газ.

Сворачиваю на Минскую, потом на Кольцева, потом ещё куда-то — я уже не слежу за маршрутом, руки сами крутят руль, а мозг где-то далеко. И только когда впереди загорается знакомая вывеска «Мятный лист», я понимаю, куда меня притащило.

Ну конечно. Блядь.

Паркуюсь напротив, через дорогу от входа. Глушу мотор. Сижу. Смотрю на светящиеся окна ресторана, на дверь, из которой выходят последние посетители. Часы на приборной панели показывают половину двенадцатого. Интересно, до скольки она работает. Может, уже ушла? А может, ещё нет. А может, мне вообще не надо здесь торчать, как сталкеру какому-то?

Но я не уезжаю. Закуриваю ещё одну. Жду. Сам не знаю, чего жду. Просто чувствую, что не могу уехать, не увидев её ещё раз. Хотя бы издалека. Хотя бы мельком. Просто чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Что этот херов Анатолий не приехал за ней, не устроил разборки прямо у входа. Что она дойдёт до дома, до своей квартиры. Самостоятельная, блин.

Дверь открывается. Я подаюсь вперёд, вглядываясь сквозь запотевшее стекло.

Она.

Виола выходит из ресторана, кутаясь в лёгкую ветровку — совсем не по погоде, сука, ноябрь на дворе, а она в этой дерюге тонкой, будто на югах живёт. Останавливается на крыльце, достаёт телефон, смотрит на экран. Убирает обратно. Замирает на секунду, поднимает лицо к небу — то ли вздыхает, то ли молится, хер разберёшь. Потом поправляет сумку на плече и начинает спускаться по ступенькам вниз, к тротуару, осторожно, потому что ступеньки обледенели.

Я выхожу из машины. Захлопываю дверь громче, чем надо. Она вздрагивает, оборачивается.

— Какого хрена? — говорит вместо приветствия. Голос уставший, но уже с вызовом.

— Садись в машину, — говорю, не отвечая на вопрос.

— Вы что, следили за мной?

— Я мимо проезжал, — вру и не краснею. — Садись, холодно же. Подвезу.

Она смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Я прямо вижу, как в голове у неё крутятся мысли — опасный? нет? можно доверять? или послать нахуй прямо здесь? Ресницы у неё длинные, и на них тают мелкие снежинки.

— Я на автобус, — говорит наконец.

— Автобусы уже не ходят. Садись, не выёбывайся.

— Олег Владимирович, следите за речью.

— А давай так. Я буду речь фильтровать только в тёплом салоне авто, а ты без выкрутасов садись. И ещё. Не на работе. Хватит вы-кать.

Она колеблется ещё пару секунд, потом вздыхает — облачко пара изо рта поднимается вверх — и идёт к машине. Я открываю ей дверь, закрываю за ней, обхожу капот. Сажусь за руль, включаю печку на полную.

— Адрес говори.

Она называет улицу — где-то на окраине, старый спальный район, я там был пару раз, когда завод только строился. Трогаюсь. Едем молча. Дворники размеренно смахивают

с лобового ледяную крошку. В салоне пахнет моим табаком и её ванилью — странное сочетание, которое почему-то кажется мне правильным.

— Зачем вы это делаете? — спрашивает она тихо, глядя в окно.

— Ты. — поправляю её, — Что именно?

— Вот это всё. Приехали. Ждали. Следили. Зачем?

— Я не следил. Я просто катался. Оказался рядом. Замерзнешь же на автобусе.

— Олег Владимирович...

Я раздражённо перебиваю её.

— Блять, Виола!

Бросаю взгляд на её удивлённое лицо. И чего глазёнки-то круглые? Условия были озвучены, ещё до посадки.

Она поворачивается ко мне, и в голосе появляется та самая сталь, которую я уже слышал сегодня.

— Олег. Я тебе никто. Официантка. Ты меня даже не знаешь.

Ну наконец-то по имени!

— Хочу узнать.

Она замолкает. Я тоже молчу, слежу за дорогой. На перекрёстке торможу на жёлтый, хотя обычно проскакиваю. Не хочется дёргать её.

— Ты допрашивал меня про синяк так, будто я твоя собственность. Ты залез в карман и без разрешения взял телефон. Это, по-твоему, нормально?

Нихуя себе у неё эмоциональная карусель в мозгу катается.

Я сжимаю руль. Костяшки белеют. Хочется ответить, что я просто хотел помочь, что я не привык церемониться, что на заводе по-другому нельзя. Но я молчу.

— Ты права, — говорю после паузы. — Перегнул.

Она удивлённо смотрит на меня. Не ждала. Да я сам в ахуе, малыш.

— Я не привык по-другому, — продолжаю, глядя на дорогу. — У меня на заводе если не рывкнуть — нихера не сделают. Я разучился... нормально. Но я не со зла. Я правда хотел помочь.

— Помощь не работает, когда её впихивают силой, — говорит тихо. — Ты даже не спросил, нужна ли мне ваша помощь.

— А нужна?

Она молчит. Я сворачиваю на её улицу — серые панельки, разбитый асфальт, мусорные баки у подъездов. Фонарь через один, остальные разбиты. Темень.

— Здесь, — говорит она. — У пятого подъезда.

Я паркуюсь у облезлой скамейки. Глушу мотор. В салоне сразу становится тихо.

— Виол, — говорю, поворачиваясь к ней. — Я не умею по-другому. Я такой, какой есть. Грубый, матершинник, со мной сложно. Но зато честный.

Она смотрит на меня долго. В полутьме салона её глаза

кажутся почти чёрными. Потом уголок губ дёргается — не улыбка, но что-то близкое.

— Странный ты, Олег.

— Ты тоже.

— Едь домой. Уже поздно. И спасибо, что довёз.

— Угу.

Между нами повисает тишина, а я как подросток в пубертате плююсь на её губы. И мои собственные так жечь начинает. Недолго думая, кладу ладонь ей на затылок и пока она глазками хлопает наклоняюсь ей на встречу.

Сминаю её мягкие губы как неандерталец какой-то, но и остановится не могу. Язычок этот шаловливый выныривает мне на встречу, нерешительно, но всё-таки играет с моим. Слышу дышать начинает тяжелее, а у меня у самого давление в ненужных местах подскакивает.

Была б другая, я бы уже её ручку себе на член пристроил, а Виолу только спугну. Или того хуже отхвачу по башке замутнённой.

Сжимаю её волосы на затылке и прижимаю к себе сильнее. Приходится собрать всю волю в кулак, чтобы оторваться от её рта. Ведьма, блять! Утыкаюсь своим лбом в её, пыхтим оба как паровозы. Сердце колотится нездорово. Что это ты, движок родимый так тарахтишь?

— Ну нихрена себе, девочка.

— Ага, — на выдохе еле слышно произносит.

— Телефон дай.

Она выпрямляется, брови хмурит.

— Ну хочешь, я тебе на работу звонить буду, — посмеиваюсь.

— А нет, конечно.

Она берёт с панели мой телефон и вбивает свой номер. До того как она успевает вписать своё имя, я забираю и подписываю «Белокурая ведьма».

— Я пойду, наверное.

Не знаю от чего, но от её румяных щёк у меня улыбка на лице во все 32.

— Я подожду, пока ты зайдёшь.

— Не надо. Там домофон, железная дверь. Всё в порядке.

— Я подожду, — повторяю.

Она вздыхает, качает головой, но больше не спорит. Открывает дверь, выходит в холод. Ветер тут же треплет её волосы, бросает в лицо ледяную крошку.

— Спокойной ночи, — говорит, не оборачиваясь.

— Спокойной.

Дверь подъезда открывается, закрывается. Стою ещё пару минут. Курю. Свет гаснет. Всё, ушла.

Завожу мотор. Выезжаю со двора. На душе странно — и пусто, и полно одновременно. Она права. Я грубый. Я давлю. Я лезу, куда не просят. Но она не послала меня. Она села в машину. Она позволила себя подвезти. Она выслушала.

И это, блядь, уже что-то.

Глава 14. Виола

Не включая света, прохожу в кухню. Сердце колотится где-то у самого горла. И чёрт его знает от чего, от этого сводящего с ума поцелуя или от того, что предвкушаю очередную разборку с Анатолием.

Он спит, он напился и спит, сейчас я тихо пройду в свою комнату и запру дверь. Утром он уйдёт, а я успею на пары в колледж. Всё будет хорошо. Всё будет как обычно.

Кухонная лампочка загорается резко, бьёт по глазам. Я замираю на пороге.

Он сидит за столом. Прямой, как палка, несмотря на выпитое. Рубашка расстёгнута, на столе — полупустая бутылка, стакан, пепельница, полная окурков. Глаза красные, мутные, но смотрят прямо на меня. Трезвее, чем обычно. Это плохой знак. Когда он пьяный в хлам — он просто орёт и падает спать. Когда почти трезвый — он злой. И точный.

— Явилась, — голос глухой, будто из бочки. — Ночью шляешься. Где была?

— На работе, — говорю ровно. Не показывать страх. Ни в коем случае. — У меня смена до одиннадцати. Каждый раз одно и то же.

— Знаю я твою работу. — Он сплёвывает на пол, мимо пепельницы. — Шлюха ты, а не официантка. Мать твоя такая же была — хвостом крутила, пока я её кормил.

Я молчу. Сжимаю ремень сумки так, что пальцы немеют. Про мать — это он зря. Про мать я ему не прощу.

— Чего молчишь? — он поднимается. Тяжело, грузно, цепляясь за край стола. — Язык проглотила? Или клиент твой тебе всё горло обработал, что голоса нет?

— Я устала. Я пойду к себе.

Делаю шаг назад, в коридор. Но он быстрее. В два шага оказывается рядом, хватает за плечо, разворачивает к себе. Пальцы как клещи — сдавливают до боли, до хруста. Я чувствую запах перегара, пота, дешёвых сигарет. Чувствую, как к горлу подступает тошнота.

— Ты мне не хами, — шипит в лицо. — Ты в моём доме живёшь. Я тебя кормлю.

— Ты меня не кормишь, — говорю тихо. — Ты пропиваешь мои деньги. Я плачу за квартиру, я покупаю еду, я оплачиваю коммуналку. Ты не работаешь уже три года. Это ты живёшь в моём доме.

Я сама не знаю, зачем это говорю. Меня всё равно никто не услышит, не поймёт. Может, устала.

Он замирает. Лицо его на секунду становится почти трезвым — и от этого ещё страшнее. Глаза сужаются. Губы сжимаются в тонкую белую полосу.

— Ах ты, сучка, — говорит почти ласково. — Маленькая дрянь. Выросла, значит? Голос прорезался?

— Отпусти. Моё. Плечо. — чеканю каждое слово.

— Или что? Что ты мне сделаешь, тварь? — и бьёт меня

по лицу.

Голова дёргается в сторону. В ушах звенит. Щеку обжигает болью — резкой, хлёсткой, как удар плети. Из глаз рефлекторно брызгают слёзы, но я тут же собираюсь. Нет. Я не дам ему этого удовольствия. На место боли приходит адское пламя злости.

— Вот так, — говорит он, тяжело дыша. — Вот теперь по-честному. А то строит из себя. Принцесса, блядь. Вся в мать. Та тоже сначала огрызалась. Потом поняла, кто в доме хозяин.

Я отступаю на шаг. Плечо всё ещё горит от его пальцев. На щеке, кажется, уже начинает проступать красное пятно. Прижимаю прохладную ладонь к лицу, чувствую, как пульсирует кожа под пальцами.

Я, не думая быстро обхожу его, ныряю в кухню быстрее, чем он успевает за мной. Рука сама находит на столе бутылку — ту самую, полупустую, тёплую от его пальцев. Я не помню, как сжимаю горлышко. Не помню, как замахиваюсь.

Удар. Звон. Осколки.

Бутылка разлетается о его голову. Он замирает. На секунду всё замирает — и он, и я, и воздух в кухне становится плотным, как желе. А потом по его лбу течёт кровь. Тонкая тёмная струйка ползёт по переносице, огибает бровь, капает на расстёгнутую рубашку. Он моргает. Пьяный мозг пытается осознать, что произошло. Я смотрю на осколки под ногами, на кровь, на свои руки — и чувствую, как по запястью

тоже течёт что-то тёплое. Порезалась. Об один из осколков. Руку саднит, но боли я почти не чувствую. Адреналин глушит всё.

— Ты... — выдыхает он. — Ты... что ты сделала, дрянь...

Он хватается за голову. Пальцы окрашиваются красным. Он смотрит на них, потом на меня. В глазах — ярость, которую я никогда раньше не видела. Не пьяная, мутная злоба, а настоящая, трезвая ненависть.

Я не жду. Разворачиваюсь и бегу. По коридору, к своей комнате. Захлопываю дверь, задвигаю щеколду — старую, хлипкую, которая не выдержит и одного сильного удара. Прислоняюсь спиной к деревянной панели. Дышу. Стекло всё ещё хрустит под ногами.

За дверью — тишина. А потом — грохот. Он опрокидывает что-то в коридоре. Матерится. Орёт. Но не идёт ко мне. Слышу, как хлопает дверь ванной, как льётся вода. Затихает.

Я сползаю по двери вниз. Сажусь на холодный пол. Смотрю на свою руку. Порез неглубокий, но длинный — от основания большого пальца почти до запястья. Кровь течёт медленно. Надо промыть. Надо перевязать. Надо что-то делать. Но я просто сижу и смотрю в одну точку.

В голове — пустота. Ни страха, ни злости, ни сожаления. Только усталость. Огромная, вязкая, как болото. Она копилась годами. С того самого дня, когда мама привела в дом этого человека и сказала: «Это твой новый папа. Он будет о нас заботиться». Заботиться. Смешно.

Не знаю, сколько я так сижу. Час? Два? За окном по-прежнему темно. За дверью — тишина. Он или уснул, или не хочет связываться. Может, тоже испугался. Может, понял, что я больше не та маленькая девочка, которую можно безнаказанно бить по лицу. Я выросла. Я научилась давать сдачу. И это, наверное, единственное хорошее, что случилось со мной за последние годы.

Поднимаюсь. Ноги ватные. Достая из тумбочки старую аптечку — бинт, перекись, пластырь. Промываю порез, заливаю перекисью — шипит, пенится, но боли почти нет. Замазываю руку. Криво, неумело, но кровь останавливается. На полу остаются тёмные капли — потом замою.

До утра не сплю. Сижу на кровати, обхватив колени руками. Смотрю в тёмное окно, за которым — ничего. Только серое ноябрьское небо и редкие огни соседних домов.

Утром он уходит, не сказав ни слова. Я слышу, как хлопает входная дверь. Выдыхаю. Выхожу из комнаты. В коридоре — бардак. Упавшая вешалка, разбросанная обувь, на полу — засохшие капли крови. Его или мои? Не разобрать.

Захожу в ванную. Смотрю на себя в зеркало.

Левая щека — красная, с багровым отливом. К вечеру станет синяком. Хорошо хоть не под глазом — можно замазать. Поворачиваюсь к свету. На плече — пять тёмных пятен, отпечатки его пальцев. Это уже третье за месяц.

Достаяю косметичку. Тональник, пудра, корректор. Наношу слой за слоем, аккуратно растушёвываю. На щеке стано-

вится почти незаметно. Почти. Если не приглядываться. Если не смотреть слишком пристально.

Прячу порез под бинтом. Сверху — рукав водолазки. Готово. На лицо — ещё слой пудры, чтобы перекрыть красноту. Теперь можно жить.

Колледж встречает меня привычным шумом. Коридоры, гул голосов, хлопанье дверей. Я учусь на втором курсе «Сестринского дела». Осталось полтора года. Полтора года — и у меня будет диплом. С дипломом я смогу устроиться куда-нибудь получше, чем «Мятный лист».

Но до диплома надо ещё дожить. А с этим — проблемы.

Кабинет коменданта находится на первом этаже, рядом с вахтой. Я стучусь, захожу. За столом — та же женщина, что и в прошлый раз. Полная, крашенная блондинка с уставшими глазами и золотыми зубами. Зинаида Петровна. Меня она уже знает.

— Опять ты? — вздыхает. — Садись.

Я сажусь на край стула. Сумку пристраиваю на коленях. Смотрю на неё и пытаюсь говорить спокойно, без дрожи в голосе.

— Зинаида Петровна, я опять насчёт общежития. Мне очень нужно. У меня сложная ситуация дома.

— У всех сложная, — она поправляет очки в толстой оправе. — Ты не первая и не последняя. Но у тебя есть жильё в городе. Ты там прописана. По закону я не имею права выделить тебе место, если у тебя есть крыша над головой.

— Я не могу больше там жит. Там отчим. Он... он пьёт.

Последние слова я произношу тихо, почти шёпотом. Зинаида Петровна поднимает на меня глаза. Смотрит долго. Потом вздыхает и снимает очки.

— Деточка, — говорит она каким-то совсем другим, человеческим голосом. — Я тебе верю. У меня таких, как ты, полколледжа. Но что я могу сделать? У меня лист ожидания — двадцать человек. У некоторых действительно нет жилья — они из области, снимают углы. А ты в очереди даже не стоишь, потому что по документам у тебя всё в порядке. Прописка есть. Квартира есть. Всё.

— Значит, вы ничем не можете помочь?

— Я могу дать тебе телефон соцслужбы. Или кризисного центра для женщин. Там помогают в таких ситуациях. Могут приютить на время. Может, даже с полицией поговорить.

— Полиция не поможет, — говорю тихо.

— Тогда я не знаю, — разводит руками Зинаида Петровна.

— Спасибо, Зинаида Петровна. Я пойду на пары.

— Погоди. — Она роется в столе, достаёт визитку. — Вот. Это центр «Надежда». Они помогают женщинам в тяжёлой ситуации. Позвони. Может, получится.

Я беру визитку. Бумага плотная, с золотым тиснением. «Центр поддержки женщин «Надежда». Бесплатные консультации. Помощь в кризисных ситуациях». Прячу её в карман сумки. Может, когда-нибудь пригодится.

Выхожу в коридор. Прислоняюсь к стене. Закрываю глаза.

Общежития не будет. Кризисный центр — это не решение, это просто отсрочка. Я не хочу быть «женщиной в тяжёлой ситуации». Я хочу просто жить. Учиться. Работать. Не вздрагивать от каждого шороха за дверью.

Перед глазами всплывает лицо Олега. То, как он смотрел на меня вчера — не как на официантку, не как на девочку для обслуживания, а как на человека. Как на кого-то, кто имеет значение.

Звенит звонок. Пора на пары. Поправляю волосы, одёргиваю водолазку, чтобы рукав не задирался. Иду в аудиторию. Спина прямая, подбородок поднят, лицо спокойное.

Глава 15. Олег

Юрист ждёт меня в приёмной ровно в девять. Я киваю Лике, чтобы запускала — та молча открывает дверь и исчезает, даже не поднимая глаз. Правильно, девочка, не отвесивай. Заходит Аркадий Семёнович: дорогой костюм, портфель из натуральной кожи, выражение лица «я сейчас скажу вам то, что вам не понравится». Лучший корпоративный юрист в городе. Дерёт втридорога, но своё дело знает, а мне сейчас нужен именно такой — который не будет мне поддакивать и сглаживать углы.

— Олег Владимирович, — начинает он, усаживаясь и раскладывая бумаги с той особой, раздражающей аккуратностью, которая присуща всем юристам, — я изучил ситуацию с вашим братом. У Ильи Владимировича семь процентов акций. Меньше блокирующего, но достаточно, чтобы подавать иски, оспаривать решения совета директоров и требовать независимого аудита. Вывести его из бизнеса без его согласия невозможно.

— Совсем? — переспрашиваю, хотя уже знаю ответ.

— Совсем, — он поправляет очки, и в этом жесте мне чудится что-то похоронное. — Единственный законный способ — выкуп доли. Но он не согласится. А если согласится — цену заломит такую, что вам дешевле будет новый завод построить.

Я сжимаю челюсть до скрежета. Знал. С самого начала знал, что этот ублюдок — раковая опухоль, которую не вырезать, не убив пациента. Но слышать это от юриста, облечённое в сухие профессиональные формулировки, всё равно что получить контрольный в голову — вроде ждал, а всё равно больно.

Бросаю взгляд на телефон, который лежит на столе экраном вверх. Я ещё до встречи набрал Виоле сообщение, но уведомления об ответе так и нет. Ну она ещё бесить меня будет, что ли? Я, конечно, понимаю, что у неё там какие-то дела, но сука, неужели так сложно нажать пару кнопок? Олежа, соберись.

— Есть вариант с разделением бизнеса, — продолжает Аркадий, не замечая моего минутного зависания. — Выделить производство в отдельное юрлицо, оставить Илье долю в головной компании, а новые контракты вести через дочернюю. Тогда он не сможет претендовать на новую прибыль.

— А тендер?

— Тендер идёт через головную компанию. Если разделить бизнес сейчас — новая аккредитация, полный пакет документов, экспертизы, согласования. Минимум два месяца. Вы не успеваете.

Блядь. Тупик. Я тру перенощицу и чувствую, как начинает пульсировать в висках — верный признак приближающейся головной боли. Хочется встать и пройтись по кабинету, но я заставляю себя усидеть на месте.

Телефон пиликает. Я беру его быстрее, чем нужно — пальцы срываются с подлокотника, как будто меня током дёрнуло, — но тут же разочарованно кладу обратно. Не она. Какая-то рассылка от поставщиков. И не срочно, и не важно, и вообще нахуй.

— Олег Владимирович? — юрист замечает мою реакцию и позволяет себе лёгкую улыбку. Старый лис, всё видит.

— Да-да, — я откладываю телефон и заставляю себя сосредоточиться. — Продолжайте. Что там с продажей доли?

— Продажа третьему лицу. Нужен покупатель, которому вы доверяете. Формально посторонний, по факту — ваш человек. Тогда Илья получит деньги и выйдет из бизнеса, а вы сохраните контроль.

— Сколько это по бабкам?

— Рыночная цена — около восьмидесяти миллионов. Учитывая аппетиты вашего брата, он может запросить и сто пятьдесят.

— Пиздец, — выдыхаю я и откидываюсь на спинку стула.

Я, конечно, не бедняк ни разу, и завод приносит стабильно, но такие суммы отвалить сходу не смогу — точнее, смогу, но это будет означать одно: новый проект встанет колом, потому что все свободные средства уйдут этому утырку. А он именно этого и добивается.

Телефон снова пиликает, и на этот раз я даже не дёргаюсь — просто медленно, почти лениво беру его в руку, готовый увидеть очередной спам. Но на экране высвечивается её имя,

и сердце пропускает удар. Блядь, Олег, тебе тридцать пять, возьми себя в руки.

«Доброе утро, Олег. Спала отлично. Спешу на пары.»

Я перечитываю три раза. Нихуя себе — она учится. На кого? Где? Почему я не спросил раньше? В голове тут же всплывает картинка: Виола в аудитории, среди студентов, с конспектами и учебниками. И что-то в этом есть такое трогательное, что я на секунду зависаю. А потом мозг, падла, услужливо подкидывает другую картинку — с медицинским халатом и больше ничем, — и я чувствую, как член начинает оживать прямо во время делового совещания. Вот это вообще не к месту. Сжимаю руку в кулак и возвращаюсь к разговору.

— Аркадий Семёнович, — я откладываю телефон экраном вниз, чтобы не отвлекаться, хотя пальцы всё равно чешутся ответить немедленно, — давайте так. Вы готовите оба варианта: разделение — с отсрочкой, после тендера. И поиск покупателя. Через неделю встречаемся, обсудим детали.

— Понял, — юрист кивает и начинает собирать бумаги в свой идеально организованный портфель. — Но предупреждаю сразу: оба варианта дорогие и долгие. А Илья, судя по всему, настроен решительно.

— Знаю. Я тоже настроен. Спасибо.

Юрист выходит, аккуратно прикрывая за собой дверь, и я остаюсь в тишине кабинета один. Первым делом хватаю телефон, даже не пытаясь изображать сдержанность.

«На кого ты учишься?»

Ответ приходит почти сразу, будто она ждала моего вопроса. Или просто сидит на скучной лекции и от нечего делать переписывается со мной.

«На медсестру.»

И тут я понимаю, что шансов у Виолы больше нет. Мозг — предательская тварь — моментально подкидывает фантазию на тему «блондиночка в медицинском халате, и под этим халатом ничего, кроме кружевного лифчика, который я видел в первую встречу». Перед глазами встаёт такая яркая картинка, что я аж дыхание перехватываю. Член тут же принимает команду «полный вперёд» и упирается в молнию брюк с таким энтузиазмом, будто я подросток, а не взрослый мужик с разводом за плечами. Блядство! Держимся, Олежа, держимся — ещё не хватало, чтобы Лев зашёл и застал меня в таком состоянии.

«Ты в «Листе» сегодня будешь?»

«Да, с 15 часов.»

Уже представляю, как захожу в ресторан, как она стоит у стойки, как я подхожу к ней и делаю то, о чём думаю последние сутки. Пальцы сами набирают сообщение:

«Приду засосать твой ротик.»

Отправляю. И жду. Секунда, две, пять. Пауза затягивается, и я уже начинаю думать, что перегнул — всё-таки она не Лена, не Оля, не те, кто привык к моему стилю общения. Она другая. С ней надо иначе. Может, извиниться? Но пока

я раздумываю, на экране появляются три точки. Появляются. Исчезают. Опять появляются. Наконец:

«Фу, как грубо.»

Ох ты ж маленькая моя. Только бы в постели не была пуританкой, только бы не начала строить из себя целку-недоτροгу, когда дойдёт до дела. Хотя что-то мне подсказывает, что не начнёт. Она вон как вчера отвечала на поцелуй — неопытно, но с таким жаром, что у меня до сих пор губы горят.

Улыбка расплывается по моей роже, как у психбольного. Ох нехорошо это, ох нехорошо. Но остановиться я уже не могу, да и не хочу, если честно.

«Мне нужна мотивация для исправления.»

Она не отвечает. Я жду минуту, две, три. Тишина. Ну и ладно. Может, пары начались. Может, препод заметил, как она под партой строчит сообщения. Может, просто не хочет поощрять мою наглость. Я убираю телефон в карман и чувствую, как внутри разливается странное, почти забытое тепло — смесь предвкушения и азарта. Скоро увидимся, Белокурая ведьма. Очень скоро.

Глава 16

Желудок неприятно урчит на весь кабинет. Я бросаю взгляд на часы — самое время идти обедать и заодно напомнить одной фигуристой недотроге, что надо отвечать на сообщения. Хватаю пальто и иду к выходу. В дверях сталкиваюсь со Львом. Киваю ему и мы уже вдвоём идём к машине.

— Юрист сказал легально вывести Илью практически невозможно, — коротко докладываю я, не вдаваясь в детали. — Разделение — долго. Продажа доли — дорого.

Парит меня это всё, а ещё ебучее чувство вины перед партнёром. Когда несколько лет назад Лев вкидывал деньги в завод, я ему обещал, что проблем не будет. И тут такие траблы.

— Значит, остаётся умолять, что ли? — Лев мрачнеет, потому что он понимает, что «разговор» в моём исполнении — это не всегда дипломатия, и часто это заканчивается разбитыми костяшками.

— Я что-нибудь придумаю. Но сначала — жрать. Поехали в рестик.

— Олеж. Ты в курсе, что у нас тендер горит, Аркашов ждёт документы, а Илья в любой момент может устроить очередную подлянку?

— В курсе. И именно поэтому мне нужно сначала поесть и выдохнуть. Иначе я приму неверное решение. Поехали-по-

ехали.

Лев вздыхает, но не спорит. Смотрит правда, как на дебила — тем самым взглядом, которым обычно смотрят на человека, решившего прыгнуть с обрыва в ледяную воду, — но я и фиг с ним.

Мозги вскипают от того, что всё через какие-то дебри. Ну хоть за обедом рядом с куском мяса будут аппетитные сисечки Виолы.

— Ты улыбаешься, — замечает Лев таким тоном, будто сообщает мне смертельный диагноз.

— Я слежу за дорогой.

— Ага. Следишь. У тебя сейчас лицо как у кота, который сметану нашёл, объелся до отвала и теперь сидит и облизывается.

— Отъебись, Лёв.

— Я так понимаю, спрашивать не надо, где мы будем обедать?

— Там же, где обычно.

— Ну конечно. Я бы удивился, если бы ты предложил другое место.

Паркуюсь у «Мятного листа» с чувством, которое я не испытывал уже много лет — таким острым, почти детским нетерпением, когда каждая минута кажется часом. Глушу мотор, выхожу из машины, поправляю воротник пальто и направляюсь к входу, не дожидаясь Льва.

В ресторане тепло и пахнет кофе с корицей — этот запах я

теперь, кажется, буду ассоциировать с ней до конца жизни. Я сразу нахожу её глазами, как самонаводящаяся ракета находит цель. Стоит у барной стойки, фартук белоснежный, волосы собраны в тугой хвост, спина прямая — и рука забинтована. Я замираю на полшаге. Ну когда? Когда она успела? Я же вчера вечером высадил её у подъезда, она была цела — то есть синяк был, но рука была в порядке. А теперь бинт от запястья почти до локтя. Как, блядь, так?

Мы проходим в випку, и я плюхаюсь на диван с таким расчётом, чтобы видеть вход. Лев садится напротив, достаёт телефон, но я даже не смотрю в его сторону — всё моё внимание приковано к двери, за которой она появится с минуты на минуту.

Заходит — и тут же глазки в пол. А это ещё что за новости? Вчера смотрела как волчица, готовая вцепиться в глотку, а сегодня скромница-скромницей, будто первый раз меня видит. Я не успеваю даже поздороваться, как она уже начинает свою официантскую речь.

— Здравствуйте, — лепечет, и я прямо слышу, как голос дрожит.

— Привет, — отвечаю, стараясь говорить спокойно, хотя спокойствия во мне сейчас примерно ноль. — А что с рукой?

— Нужно было быть чуть порасторопней, — она пожимает плечами, и в этом жесте такая наигранная беззаботность, что мне хочется рассмеяться. — Уронила чашку. Ну знаете, как бывает.

Знаете. Она говорит мне «знаете» после того, как вчера я целовал её в машине и она отвечала мне с таким жаром, что у меня до сих пор губы покалывает и член шевелится. Я рассматриваю её лицо внимательно, как бракованную деталь на конвейере — и на нём разве что маркером не написано «враньё». Глаза бегают, щёки красные, дыхание сбитое.

Я поднимаюсь на ноги медленно, как хищник, который не хочет спугнуть добычу раньше времени. Подхожу к ней вплотную — так близко, что чувствую запах, слышу её дыхание, вижу, как пульсирует жилка на шее. Приподнимаю её подбородок пальцем .

Виола успевает открыть рот и выдохнуть:

— Я на работе.

— Угу... — отвечаю я прямо в её губы.

И, как и обещал в сообщении, засасываю её ротик — жадно, глубоко, без всяких этих нежностей и прелюдий, потому что я ждал этого с самого утра, с той самой минуты, как проснулся в пустой постели. Она мычит что-то неразборчивое, пытается отстраниться, упирается ладонями мне в грудь — но это сопротивление такое слабое, такое формальное, что меня от него только сильнее вштыривает. Прямо как вчера — и возмущается, и отвечает одновременно, и от этой двойственности у меня сносит крышу напрочь. Вкусная зараза. От неё пахнет кофе и чем-то сладким.

Но как только я выпускаю её губы — с огромным усилием, буквально заставляя себя оторваться, — мой взгляд па-

дает на её левую щеку. И я замечаю, что она отличается от правой. Цвет не тот. И текстура не та — слишком плотный слой тонального крема, а под ним...

— Это что за хуйня?! — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Виола мгновенно опускает лицо вниз, прячет глаза, как провинившийся ребёнок, но я не даю ей уйти от ответа. Обхватываю её лицо рукой — осторожно, но крепко, — и поднимаю. Она пытается вырваться, шипит как дикая кошка, загнанная в угол, и вдруг я чувствую острую боль между большим и указательным пальцем. Эта мелкая зараза меня укусила!

Глава 17. Олег

— Ты вообще с ума сошла?! — я одёргиваю руку и смотрю на следы зубов. Ничего себе, челюсти у неё что надо.

— А ты?! — она сверкает глазами, и в них настоящая ярость пополам с обидой. — Ты что творишь?! Сколько раз нужно сказать, что я на работе?!

Прикольно, то есть сливается с моих вопросов она, а я при этом должен ещё учитывать её ситуацию.

— Откуда синяк на лице? — я игнорирую её возмущение. — И давай без этих своих сказок про падения. Я же вижу.

Чую кровь вскипать начинает уже не по-детски.

Она замолкает, и в этой тишине я слышу, как Лев откладывает телефон. Виола смотрит на меня исподлобья, губы сжаты в тонкую полоску, ноздри раздуваются — и внезапно в ней что-то меняется.

— Скажем так, мне пришлось отстаивать свою честь и достоинство, — произносит она с вызовом, и в голосе звенит сталь, которую я не слышал раньше.

Я дышу как дракон при виде жертвенной девственницы.

— Кто?

— Не скажу.

— Виола... — её имя я произношу с нажимом, почти рыком.

— Нет, — отрезает она.

Сука, как же бесит!

Лев, который до этого сидел тихо, как мышь, не выдерживает и подаёт голос. Встаёт, подходит ближе, и я вижу, что он тоже напряжён — желваки ходят, взгляд цепкий.

— Виол, давай без выкрутасов, — говорит он спокойно, но с явным напором, который у него появляется только в серьёзных ситуациях. — Кто, где, когда. Мы по-быстрому всё порешаем, ты даже глазом моргнуть не успеешь.

— Я и сама порешала, — она поднимает подбородок ещё выше, прямой как струна. — И вообще, вы заказывать будете или мне позвать другого официанта?

Руки у меня уже трясутся от злости — не на неё, на того, кто посмел её тронуть, — а она глазками хлопает, строит из себя невинность и делает вид, что ничего особенного не произошло. Меня это бесит и восхищает одновременно.

— Я сейчас прилюдную порку официанта закажу, — цежу сквозь зубы. — Кто. Это. Сделал?

— Да что ты говоришь, Олег! — она вдруг оживляется, и в голосе прорезается откровенная издёвка. — Прямо-таки порку? А ты у нас, значит, специалист по поркам? Может, ещё и розги с собой носишь?

Внутри всё сжимается в тугий узел: ярость на того, кто это сделал, тревога за неё, и ещё что-то — то, чему я до сих пор не могу подобрать названия, но что разрастается в груди с каждым днём.

— Виола... — я предостерегающе рычу, потому что чув-

ствую — ещё немного, и меня клапана сорвёт окончательно.

И тут она вдруг делает шаг ко мне, подходит близко, очень близко, — и шепчет на ухо, обдавая тёплым дыханием мою шею:

— Не парься. Я снесла ему кабину бутылкой.

Отстраняется. Смотрит на меня невинно, ресницами хлопает, ангельское личико — если бы не синяк и не этот бинт, можно было бы подумать, что она сейчас предложит выпить чаю. В глазах — ни страха, ни мольбы о помощи, ни заискивания. Только усталое, горькое удовлетворение человека, который сделал то, что должен был сделать, и ни о чём не жалеет.

— Бутылкой? — переспрашиваю я, и голос сам собой становится тише. А перед глазами уже пелена начинается.

— Бутылкой, — подтверждает она буднично, как о погоде. — По голове. У него наверняка теперь швы. Или сотрясение. Я не уточняла.

— А порез?

— Об осколок. Ерунда, заживёт.

— И кто это был? Анатолий?

Виола резко вскидывает глаза, и в них мелькает что-то похожее на панику. Неужто попал в цель?

— Заказывать будете или мне позвать другого официанта? — повторяет она, и это звучит как последняя линия обороны.

Лев быстро делает заказ на нас двоих — что-то из стейков,

что-то из салатов, я даже не вслушиваюсь. Виола записывает, кивает, разворачивается, чтобы уйти. Но прежде, чем она делает шаг к двери, я говорю ей в спину — негромко, но так, чтобы каждое слово впечаталось:

— Если вздумаешь прислать другого официанта, я выйду за тобой в зал и принесу сюда на плече.

Она замирает на секунду. Не оборачивается. Но я вижу, как напрягаются её плечи под тканью. И, кажется, краем глаза замечаю, как уголок губ всё-таки ползёт вверх. Она выходит, а я падаю обратно на диван, выдыхаю тяжело и провожаю её взглядом.

— Олж, — Лев смотрит на меня с тем выражением, которое бывает у сапёра, наблюдающего за коллегой, решившим прогуляться по минному полю, — ты понимаешь, что ты сейчас выглядел как ревнивый псих?

— Понимаю, — отвечаю я, не отрывая глаз от двери. — Мне похуй. Раз она говорить не хочет, значит надо пробить, что и как там у неё. Блять, ну что сложно так рассказать? Ну хоть бы как обычная баба села рядом, слезу пустила, что её обижают. Я бы рыцаря включил, принцессу спас, а она бы меня горячо отблагодарила. И вот все злодеи наказаны, а принцессы спасены.

Лев качает головой, но комментировать воздерживается. Я достаю телефон и вижу сообщение от Виолы, отправленное минуту назад.

«Ты ведёшь себя как пещерный человек.»

«Я и есть пещерный человек. Привыкай.»

«Может, тебе ещё дубину выдать?»

«Дубина у меня уже есть. Я вас кстати планирую познакомиться»

«Ты невозможен.»

«Ты повторяешься. Придумай что-нибудь новенькое.»

Минут через десять дверь в випку открывается. Но вместо этой ведьмы с буферами, заходит незнакомая мне официантка. Она заносит тарелки, ставит на стол.

Нихуя себе манёвр эта бессмертная решила провернуть. Не говоря ни слова, я встаю и выхожу в зал. Виола стоит у столика, мило улыбается какому-то мужику.

И всё, у меня мозги уплывают в далёкие дали. Широкими шагами иду к ней, она успевает только личико в мою сторону повернуть. Ибо нефиг. Я предупреждал.

Глава 18. Виола

Я стою у столика в зале и мило улыбаюсь гостю — мужчине лет сорока, который уже минут пять рассказывает мне, какой именно стейк он хочет, хотя в меню их всего три позиции и он мог бы выбрать любую, не вдаваясь в подробности своей биографии. Я киваю, поддакиваю, записываю заказ и параллельно думаю о том, что Олег, кажется, всерьёз решил, будто я испугаюсь его угрозы. Ну-ну. Я скорее поверю, что мой отчим бросит пить и устроится на работу.

И в этот момент я слышу шаги за спиной. Тяжёлые. Быстрые. Я успеваю только обернуться — и вижу Олега. Его лицо не предвещает ничего хорошего.

— Ты что творишь? — только и успеваю выдохнуть я.

Он наклоняется, подхватывает меня одной рукой под бёдра, и в следующую секунду мир переворачивается вверх ногами. Я вишу у него на плече, как мешок с картошкой, и от неожиданности даже не кричу, а издаю какой-то сдавленный писк. Мои ладони упираются ему в поясницу, хвост съезжает набок, фартук задирается, и я чувствую, как кровь приливает к лицу — от злости, от унижения и ещё от чего-то, в чём я не хочу себе признаваться.

Гость, с которым я разговаривала секунду назад, замирает с открытым ртом. Олег, не сбавляя шага, бросает ему через плечо:

— Она занята. Закажите у другого официанта.

И спокойно так идёт в сторону випки. Как будто каждый день таскает девушек через весь ресторан. Скотина самоуверенная.

— Поставь меня! — шиплю я, молотя кулаками по его спине. — Олег, я серьёзно! У меня работа! Гости! Ты вообще нормальный?!

Он даже не замедляется. Его ладонь лежит на моих бёдрах, придерживая меня так, будто я ничего не вешу, и я чувствую, как под моим животом перекачиваются его мышцы при каждом шаге. В голове мелькает мысль: «Господи, ну почему он такой сильный, это вообще нечестно». И тут же другая: «Виола, соберись, он тебя только что утащил как пещерный человек, а ты думаешь о его мышцах».

Мы проходим через короткий коридор, который соединяет зал и вип-зону. Других гостей здесь нет, нас никто не видит. И тут я принимаю решение. Не самое разумное в моей жизни, но чертовски удовлетворительное.

Я открываю рот, прицеливаюсь и кусаю его за задницу. Сильно. Так, что зубы смыкаются на плотной ткани брюк и на том, что под ней.

Олег вздрагивает, делает короткий рывок вперёд и издаёт звук — что-то среднее между рыком и удивлённым вскриком.

— Ай, блядь! Ты что, совсем ёбнулась?!

— Поставь меня, я сказала! — я снова молочу кулаками,

на этот раз целясь по почкам. — Я тебя предупредила!

— Виола, ты сейчас договоришься, — рычит он, но в его голосе я слышу не злость, а что-то совсем другое. И это «что-то» заставляет моё сердце биться быстрее.

Он толкает дверь в випку и вносит меня внутрь. Я всё ещё вишу у него на плече и вижу перевёрнутую картину: диван, стол, заставленный тарелками, Льва — и рядом с ним Катю в фартуке, которая стоит слишком близко к гостю. Слишком. Её рука лежит на спинке дивана, прямо за плечом Льва, и она наклоняется к нему так, будто он не клиент, а как минимум её жених.

Катя новенькая, которую я попросила помочь с заказом, пока была занята с гостем в зале.

Олег наконец ставит меня на пол. Я поправляю фартук, одёргиваю платье, пытаюсь вернуть себе хоть какое-то подобие достоинства, а он уже смотрит на Катю тем самым взглядом, от которого у меня самой мурашки бегут. Но сейчас этот взгляд направлен не на меня — и я вдруг понимаю, что Кате я не завидую.

— Свободна, — бросает он ей коротко.

Катя замирает. Её накрашенные глаза переводятся с Олега на меня, потом на Льва, который сидит с таким лицом, будто он вообще не понимает, как тут оказался.

— Лев как раз делал заказ, — пытается возразить Катя, и её голос звучит выше обычного.

— Заказ уже сделан. Свободна. Дверь закрой с той сторо-

ны.

Он не орёт. Он говорит тихо, почти лениво, но в этом тоне — столько металла, что Катя, кажется, готова бежать, не дожидаясь повторения. Она бросает на меня быстрый взгляд — то ли извиняющийся, то ли осуждающий, — и выскальзывает за дверь.

Лев провожает её глазами, потом насмешливо смотрит на меня.

— Сама виновата, — Лев пожимает плечами.

— Да ничего, — я машу рукой, чувствуя, как горят щёки. — Это я её попросила помочь. Ну, пока была занята с другим гостем. До того, как меня... — я делаю паузу и кидаю взгляд на Олега, — ...один неандерталец схватил и утащил.

Олег стоит, скрестив руки на груди. Его лицо непроницаемо, но в глазах пляшут чёртики, которые я уже видела сегодня. Ему весело. Ему весело!

— Ты укусила меня за задницу, — произносит он так, будто сообщает интересный научный факт.

— Ты утащил меня через весь ресторан задницей кверху, — парирую я.

— Я предупреждал.

Лев издаёт звук, подозрительно похожий на смешок, и тут же прикрывается телефоном. Я стою посреди випки, покрасневшая, растрёпанная, и смотрю на Олега, который смотрит на меня. И в воздухе между нами висит что-то такое густое, что, кажется, можно резать ножом.

— Садись, — говорит он.

— Я на работе вообще-то, — я всё ещё цепляюсь за остатки профессиональной гордости.

— Я в курсе. Твоя работа — обслуживать гостей. Мы гости. Я ещё не доел. Садись.

Он кладёт руку мне на плечо — большую, тёплую — и подталкивает к дивану. Я сажусь. Потому что спорить с ним, когда он в таком настроении, бесполезно.

Олег пододвигает к себе тарелку со стейком, нарезает кусок и подносит вилку к моему рту. Я смотрю на него в полном недоумении.

— Открой рот, — командует он.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Ты кусаешься. Тебе нужно мясо. Открой рот.

Лев больше не сдерживается и ржёт в голос. Я смотрю на него, на Олега, на кусок мяса, наколотый на вилку, и мне тоже хочется смеяться. Это всё настолько нелепо, настолько выходит за рамки всего, к чему я привыкла, что я просто... открываю рот.

Мясо сочное, с кровью, и на вкус оно именно такое, каким должно быть. Олег смотрит на меня с таким удовлетворением, будто я не прожевала стейк, а подписала контракт на миллион. Я жую, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица.

— А теперь меня, — говорит он и открывает рот.

— Ты в своём уме? — я давлюсь смехом.

— Ты меня укусила. Ты должна реабилитироваться. Кор-ми.

Я закатываю глаза, но накалываю кусок мяса и подношу к его рту. Он перехватывает мою руку, задерживает на секунду и только потом позволяет себе откусить. Его пальцы на моём запястье — горячие, сухие. Я чувствую, как пульс бьётся прямо под его большим пальцем.

— Вы двое — самое комичное зрелище, которое я видел в этом ресторане, — замечает Лев из своего угла. — Я, конечно, разное повидал, но чтоб Олег кормил кого-то с вилочки...

— Завидуй молча, — отмахивается Олег, не глядя на него.

Глава 19. Виола

Мы доедаем в каком-то странном, почти домашнем молчании. Я всё ещё сижу, хотя понимаю, что надо встать, вернуться в зал, проверить столики. Но встать — значит нарушить это странное тепло, которое разлилось вокруг. А я не хочу его нарушать.

Я хочу посидеть так ещё немного, глядя, как Олег нарезает мясо широкими, уверенными движениями, как он двигает челюстью, когда жуёт, как его рука лежит на спинке дивана — большая, тяжёлая, расслабленная. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится просто смотреть на него, сидеть рядом.

От него веет расслабленной уверенностью.

Наконец я поднимаюсь. Пора. Надо убирать посуду. Надо работать, в конце концов, я здесь именно за этим.

— Я сейчас вернусь, принесу кофе, — говорю я и складываю тарелки на поднос. Они звякают, и этот звук возвращает меня в обыденную реальность.

Левая рука — та, что с порезом, — слушается хуже, чем обычно. Я чувствую, как пальцы слабеют, когда я беру поднос, под кожей тянет и ноет, и на секунду я прикрываю глаза, пережидая эту тупую пульсирующую боль.

В подсобке я аккуратно перегружаю посуду в мойку,правляю фартук, проверяю бинт — не промок ли. Всё в порядке. Кофе-машина шипит, выпуская струю пара, и я на ав-

томате делаю два американо — для Льва, который пьёт кофе литрами, и для Олега, который просил чёрный без сахара. «Как твоя душа», — хочется добавить мне, но я молчу. В конце концов, моя душа сейчас не сильно слаще.

Через несколько минут я возвращаюсь в випку с кофе на подносе. Тяжёлую дверь толкаю плечом и прохожу внутрь.

Подхожу к столу, тянусь поставить чашку Льва, и тут предплечье пронзает резкая боль. Не та тупая, что была раньше, а настоящая — острая, как удар током, — от запястья до локтя, по ходу пореза, который ещё даже не начал толком затягиваться.

Я вздрагиваю всем телом, пальцы разжимаются сами собой, поднос наклоняется, и я в ужасе смотрю, как всё происходит будто в замедленной съёмке: чашка переворачивается, кофе — горячий, дымящийся, который я только что сварила, — выплёскивается и летит прямо на Льва. Прямо на его светло-серые брюки, на белую рубашку, на всё.

— Ой боже мой, — вырывается у меня. Это даже не крик — какой-то сдавленный стон, в котором смешались ужас, стыд и досада.

Лев вскакивает, дёргается, но поздно. Огромное тёмное пятно расплзается по его паху и коленям, кофе капает на пол, на диван, на его руки, которыми он пытается отряхнуть брюки. Горячий пар поднимается от ткани, и я понимаю — это конец. Брюкам конец. Моей репутации конец. Всему конец. Надеюсь его мужскому достоинству хотя бы не конец,

иначе мне прикопают где-нибудь в лесочке.

Я хватаю салфетки со стола — целую стопку, — и падаю на колени перед ним, не думая о том, как это выглядит. Прямо на холодный пол, на котором, кажется, ещё остались капли пролитого кофе, и они впитываются в колготки, но мне всё равно. Я просто вижу испорченную дорогую ткань и понимаю, что это катастрофа.

— Извини, пожалуйста! Это из-за руки, я не удержала! — я прижимаю салфетки к его брюкам, пытаюсь хоть как-то спасти ткань, промокнуть, впитать, но понимаю, что это бесполезно — пятно слишком большое, слишком тёмное, и оно уже въелось в дорогие волокна. — Я оплачу химчистку, честное слово. Или новые брюки. Я не знаю, сколько они стоят, но я отдам, правда отдам, ты только скажи сумму...

Лев поднимает руки, явно не зная, куда их деть и как реагировать на то, что официантка стоит перед ним на коленях и с остервенением трёт салфетками его ляжки, которые находятся в опасной близости от того места, которое официанткам трогать вообще не положено.

— Виол, да ладно, ерунда, это просто...

— Не просто ерунда! — я продолжаю вытирать, чувствуя, как горят уши и щёки, как кровь приливает к лицу от стыда и неловкости. Я уже не понимаю, что именно я вытираю — кажется, я просто механически вожу салфетками туда-сюда, потому что остановиться сейчас означает признать масштаб катастрофы. — Что-то мне подсказывает, что это очень до-

рогие брюки, я знаю, сколько стоит такая ткань, и я...

— Встань.

Голос Олега разрезает воздух, как нож. Не громкий — тихий. И от этого в сто раз страшнее. Я слышала, как он кричал на Аркашова — там был рык, была ярость. Сейчас другое. Сейчас он говорит так, как говорят люди, которые уже перешли черту и теперь абсолютно спокойны. Абсолютно. И это спокойствие пугает больше всего.

Я замираю. Мои руки, сжимающие мокрые салфетки, застывают на колене Льва в какой-то совершенно неприличной позе — я это понимаю только сейчас, когда поднимаю глаза и вижу, куда именно я их положила. Поднимаю голову и вижу лицо Олега. Оно каменное. Челюсть сжата так, что желваки выступили буграми под кожей. Ноздри раздуваются, как у быка перед атакой. Глаза — тёмные, почти чёрные от расширившихся зрачков — прожигают меня насквозь. В них нет ни следа того тепла, которое было минуту назад, когда он кормил меня с вилочки и смеялся, рассказывая, как я укусила его за задницу.

Сейчас это взгляд человека, который только что увидел что-то неправильное. Что-то, что сломало в нём какой-то важный внутренний предохранитель, о существовании которого я даже не догадывалась.

Он смотрит не на пролитый кофе. Не на Льва. Он смотрит на меня — на коленях перед другим мужчиной. На мои руки на чужом бедре. На мой склонённый затылок.

— Встань, — повторяет он тише, но от этого только страшнее. Каждое слово — как удар молотка по наковальне, и я чувствую, как вибрация от этих ударов расходится по всему телу. — Я сказал — встань. Немедленно.

Я встаю. Колени дрожат, и я не знаю, от чего больше — от испуга или от того, как он на меня смотрит. Мои пальцы всё ещё сжимают мокрые от кофе салфетки, и капли падают на пол с противным звуком — кап, кап, кап. Я не могу отвести от него глаз, хотя очень хочется. Хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, испариться, стать невидимой — только бы не стоять под этим взглядом.

Лев наконец приходит в себя и начинает отряхиваться. Он, кажется, единственный здесь, кто сохранил способность соображать.

— Олеж, успокойся, это просто кофе. Виола не виновата, у неё рука забинтована, ты сам видел. Ничего страшного не произошло.

— Я всё оплачу, — повторяю я упрямо, цепляясь за эти слова, как утопающий за соломинку. Может быть, если я буду говорить про деньги, про химчистку, про свою вину — он переключится? Может быть, он перестанет смотреть на меня так?

— Не хватало ещё с бабы деньги брать, — рычит Олег, и в его голосе такая смесь злости и чего-то ещё, какой-то почти физической боли, что я на секунду забываю, как дышать.

— Но я виновата!

Я повторяю это, и голос мой срывается. Олег делает шаг ко мне. Потом останавливается.

Глава 20. Виола

Олег смотрит на меня, на Льва, на пятно кофе на диване. Открывает рот, чтобы что-то сказать — и в этот момент его телефон взрывается.

Рингтон громкий, резкий. Олег дёргается, как от удара, смотрит на экран. Его лицо меняется мгновенно — с ярости на собранность.

— Да, — рывкает он в трубку. Слушает. Секунда. Две. Три. Его спина напрягается, свободная рука сжимается в кулак. — Когда? Пиздец. Я выезжаю.

Он сбрасывает звонок и на секунду прикрывает глаза. Я вижу, как он мысленно переключается — с этой випки, с этого пролитого кофе, с меня — на что-то другое. Что-то серьёзное.

— Что там? — Лев сразу становится деловым, собранным, вся его расслабленность исчезает без следа.

— На заводе ЧП, — Олег уже хватает пальто со спинки дивана. — Четвёртый цех, что-то с вентиляцией. Двое рабочих в больнице. Надо ехать.

Он поворачивается ко мне. И на секунду задерживает взгляд. В нём всё ещё плещется та самая ярость — или боль, — но уже приглушённая, отодвинутая в сторону, упакованная в дальний ящик до лучших времён. Он смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать — и не может. Или не хочет.

По спине пробегают мурашки от этого взгляда.

— Я позвоню, — говорит он мне.

И уходит. Даже не оборачивается. Лев, бросив на меня извиняющийся взгляд и пробормотав «не парься насчёт брюк, правда», устремляется за ним.

Дверь VIP-ки закрывается. Я остаюсь одна. Посреди пролитого кофе. С мокрыми салфетками в руке. С бешено колотящимся сердцем. И с полной пустотой в голове.

Я медленно опускаюсь на диван — на то самое место, где только что сидел Олег. Обивка ещё хранит тепло его тела. Я сжимаю мокрые салфетки в кулаке и смотрю в одну точку.

Глава 21. Олег

На завод я прилетаю за пятнадцать минут, хотя обычно дорога занимает полчаса. Плевать на камеры, плевать на штрафы. Я давлю педаль в пол и не смотрю на спидометр. Мысли в голове крутятся только об одном: что с людьми? Насколько серьёзно? И как это вообще произошло, если мы только в прошлом месяце меняли систему вентиляции?

У ворот меня уже ждёт начальник цеха — мужик лет пятидесяти, седой, с въевшейся под ногти смазкой, которая не отмывается уже лет двадцать. Лицо у него бледное, под глазами мешки.

— Олег Владимирович, — начинает он, когда я выхожу из машины, и голос у него дрожит, хотя он пытается держаться, — авария на вентиляции. Заслонка отработала нештатно, пошёл выброс горячего воздуха. Двое сварщиков получили ожоги, их увезли в областную.

— В каком состоянии?

— Средней тяжести. В сознании. Врачи говорят, жить будут.

Я выдыхаю. Только сейчас замечаю, что всё это время не дышал. Живы. Это главное. Остальное починим.

— Что с заслонкой?

— Уже разбираемся. По первым данным — брак поставщика. Мы запрашивали сертификаты, но...

— Но у нас тендер горит, и вы решили сэкономить на проверке, — заканчиваю я за него. — Кто принимал решение?

Начальник цеха отводит глаза. Ясно. Разбираться буду потом, сейчас не до этого. Я иду в цех, на ходу раздавая указания: остановить линию до полной проверки, вызвать независимого эксперта по вентиляции, подготовить все документы по поставщику, связаться с юристом. В голове — ни одной лишней мысли, только работа. Только цифры, сроки, люди.

Через час я уже в курсе всего. Заслонка действительно бракованная — микротрещина, которую не заметили при приёмке. Поставщик будет отбиваться, но у нас есть все документы. Юрист подготовит иск. Больница подтверждает: оба рабочих стабильны, ожоги второй степени, прогноз благоприятный. Я звоню туда сам, говорю с главврачом, прошу разместить в отдельных палатах, обещаю оплатить всё — и лечение, и реабилитацию, и компенсацию сверх страховки.

— Деньги не главное, Олег Владимирович, — говорит главврач, старый мужик с уставшим голосом. — Но ребятам будет приятно, что вы лично звоните.

— Я приеду завтра, — говорю я. — Скажите им.

Вешаю трубку. Тру лицо руками. День был длинным, очень длинным, и он ещё не закончился. Я лечу обратно в офис — нужно разобрать бумаги, подписать распоряжения, убедиться, что всё под контролем.

В приёмной пусто. Лика уже ушла, и правильно сделала — сидеть здесь до ночи незачем. Я прохожу в кабинет, ски-

дываю пальто на кресло, падаю в своё кресло и позволяю себе минуту тишины. Просто минуту.

И тут дверь открывается.

Я поднимаю глаза и вижу её. Ира. Моя бывшая жена.

Стоит в дверях моего кабинета, как ни в чём не бывало. На ней платье — новое, я такого раньше не видел, явно дорогое, обтягивает как надо. Волосы уложены волосок к волоску, макияж свежий, губы подведены той самой помадой, которую она всегда называла «моя победная». Пришла воевать, значит.

— Привет, Олег, — говорит она тихо, почти интимно.

Я откидываюсь в кресле и смотрю на неё. Внутри что-то дёргается — не желание, нет. Скорее, мышечная память. Девять лет вместе. Девять лет я просыпался рядом с этой женщиной, завтракал с ней, строил для неё дом, покупал ей машины, терпел её истерики и её вечное недовольство.

— Чего тебе? — спрашиваю ровно.

— Я просто хотела поговорить, — она делает шаг в кабинет, потом ещё один. Двигается плавно, как кошка, которая знает, что хозяин её всё ещё любит. Или думает, что знает.

— Можно присесть?

— Стоя поговорим. У меня мало времени.

Она чуть заметно морщится — не привыкла, что ей отказывают, — но быстро берёт себя в руки и снова включает эту свою обволакивающую улыбку.

— Олж, я знаю, что была неправа. Я совершила ошибку.

Огромную, глупую, непростительную ошибку.

— Ошибку, — повторяю я, пробуя это слово на вкус. — Ты трахалась с моим братом в моём доме. Это не ошибка, Ира. Это выбор. Причём весьма хуёвый выбор.

— Он меня соблазнил! — в её голосе прорезаются нотки обиды. — Он говорил мне такие вещи... Ты был вечно занят, вечно на заводе, а он был рядом, он слушал, он...

— Он просто хотел насолить мне, — перебиваю я. — И ты ему помогла. Ты дала ему то, что он хотел.

— Я была душой, — она опускает глаза, и я почти верю. Почти. — Я запуталась. Но теперь я всё поняла. Я поняла, кого я потеряла. Олеж, ты... ты единственный, кто меня по-настоящему любил.

Она подходит ближе, кладёт ладонь на мой стол. Пальцы у неё тонкие, ухоженные, с идеальным маникюром. Я смотрю на эти пальцы и вспоминаю другие — с коротко остриженными ногтями без лака, с бинтом на запястье. Пальцы Виолы, которая несколько часов назад стояла передо мной на коленях, вытирая кофе с брюк Льва, и смотрела на меня испуганными глазами.

— Чего ты хочешь, Ира? — спрашиваю я устало. — Денег? Помощи? Чтобы я забыл и простил?

— Я хочу вернуться, — она говорит это тихо, проникновенно, с придыханием. Так, как говорят актрисы в мелодрамах. — Я хочу всё исправить. Давай начнём заново. У нас ведь было столько хорошего, Олеж. Столько лет.

Я молчу. Она воспринимает это как колебание и решается на следующий шаг — обходит стол, встаёт рядом со мной, кладёт руку на моё плечо.

— Я знаю, ты всё ещё злишься, — шепчет она. — Это нормально. Но я готова ждать. Я готова доказать.

— Доказать? — я усмехаюсь. — И как же?

— Как хочешь, — она наклоняется ближе, её духи обволакивают меня, и это знакомый запах, от которого когда-то у меня сносило крышу. — Хочешь — попрошу прощения. Хочешь — накажи меня. Я выдержу.

И тут до меня доходит. Она серьёзно. Она пришла сюда не просто поболтать. Она пришла предложить себя — в обмен на прощение, на возвращение, на долю в моей жизни. Она думает, что я тот же Олег, который год назад, два года назад, пять лет назад готов был простить ей всё за одну ночь в постели. Она думает, что мной всё ещё движет похоть. Что меня можно взять тем же способом, что и раньше.

Я смотрю на неё — на эту красивую, ухоженную, расчётливую женщину — и не чувствую ничего. Вообще. Будто передо мной пустое место.

— Убери руку, — говорю спокойно.

Она вздрагивает, но руку убирает.

— Ты думаешь, я тебя приму после брата? После того, что ты сделала?

— Олег...

— Ты шлюха, Ира, — говорю я ровно, без злости, просто

констатируя факт. — Дешёвая шлюха, которая прыгнула в постель к моему брату, потому что он сказал ей пару ласковых слов. А теперь ты прыгаешь обратно ко мне, потому что он тебя кинул. Я прав? Он тебя кинул?

Её лицо меняется. Сквозь маску обиженной принцессы проступает что-то другое — злость, досада, страх.

— Он... он говорил, что у него всё схвачено, — выдавливает она. — Что он заберёт завод. Что у него есть план. А теперь он просто исчез. Я пыталась ему звонить — он не отвечает.

— Конечно, не отвечает, — я откидываюсь в кресле. — Потому что ты была инструментом, Ира. Ты думала, он тебя любит? Он использовал тебя, чтобы добраться до меня. А когда ты стала не нужна — выбросил.

— Олеж, я...

— Замолчи, — я поднимаюсь, встаю в полный рост, нависаю над ней. — Ты мне противна. Ты даже не представляешь, насколько. Ты хоть понимаешь, что ты сделала?

Она молчит. Губы дрожат. Но мне плевать.

— Ты пришла сюда, потому что тебе нужны деньги и защита, — продолжаю я. — А я тебе не банкомат и не охранник. Ты сама выбрала эту дорогу — иди по ней до конца. И знаешь что? Я тебе даже благодарен.

— Благодарен? — она поднимает глаза.

— Да. Если бы не ты — я бы никогда не понял, что такое настоящая женщина. Та, которая не предаст, не продаст, не

прыгнет в чужую постель за красивые слова. Та, у которой есть гордость.

Я делаю паузу, и перед глазами встаёт Виола — её упрямый взгляд, её голос, когда она сказала «я сама», её бинт на руке и синяк под слоем тоналки.

— Иди, Ира, — говорю я тихо. — И не возвращайся. Никогда.

Она стоит ещё секунду. Потом разворачивается и идёт к двери. У самого выхода останавливается.

— Ты пожалеешь, Олег, — говорит она уже без придыхания, своим настоящим голосом. — Ты ещё вспомнишь, что я тебе говорила.

— Дверь закрой с той стороны.

Она выходит. Я падаю обратно в кресло, выдыхаю. В висках стучит. Раньше после такого разговора я бы поехал в ресторан, напился, снял бы первую попавшуюся девицу и трахал бы её, пока не вырублюсь.

Глава 22. Олег

Я сижу в кресле ещё минут десять после того, как за Ирой закрылась дверь. В висках стучит, во рту мерзкий привкус — будто наелся чего-то тухлого. Разговор с бывшей — это всегда как с похмелья в отстойник заглянуть: и не хотел, а говна наелся.

Поднимаюсь, накидываю пальто, выхожу из кабинета. В приёмной темно, только аварийная лампа горит. Прохожу через пустой офис, спускаюсь на подземную парковку. Каждый шаг — как молотком по башке.

Машина стоит на своём обычном месте. Чёрный «Мерседес», три года, пробег смешной, состояние — конфетка. Я сам её выбирал, сам торговался, сам забирал. Ира тогда сказала: «Олеж, ты в этой машине выглядишь как настоящий мужик». А я и рад стараться, дурак. Купился, блядь, как пацан на сиськи.

Сажусь за руль. Захлопываю дверь. И тишина. А потом меня накрывает.

Воспоминание вползает в голову без спроса — яркое, липкое, как та херня, что в порно снимают. Ира на этом самом пассажирском сиденье, ноги закинула на торпеду, бо-соножку скинула, смеётся. Только что из ресторана, выпила два бокала красного, покраснелась, блузка растёгнута. Я за рулём, а сам уже не на дорогу смотрю — на её ляжки. Она

ведёт ладонью по моему бедру, медленно так, с нажимом, и яйца сводит — пиздец.

— Останови, — приказала она тогда.

Я съехал на обочину, за городом. Весна, грязь, пахнет мокрой землёй. Она перелезла ко мне, оседлала прямо на водительском кресле, пальцами в подголовник вцепилась. И скачет, сука, дышит как паровоз. Я помню этот скрип кожаного сиденья под её коленями. Помню, как потом лежали, спинку откинув, и она мурлыкала: «Вот так должно быть всегда. Ты, я и никого больше».

Никого больше. Ага, блядь.

А через полгода на этом же сиденье она рыдала, потому что я забыл про очередную годовщину. А ещё через год — просила денег на новую шубу. А ещё через два — трахалась с моим братом в моей же постели. Интересно, на его члене она так же скакала? Так же дышала? Так же волосами трясла? Сука.

Я смотрю на пассажирское сиденье как на прокажённого. Моя рука лежит на руле, но мне кажется, что я чувствую запах её духов. Вся эта тачка пропитана ею. Каждая поездка, каждый километр, каждая царапина на пластике — всё это нахрен пропитано Ирой. Я не могу больше сидеть в этом салоне. Я не могу дышать этим воздухом.

Выхожу из машины. Захлопываю дверь с такой силой, что сигнализация взвизгивает.

Поднимаюсь обратно в офис, к сейфу. Достая документы.

ПТС, сервисная книжка, страховка. Кладу на стол, смотрю на часы — половина девятого. Автосалон ещё работает, у них там допоздна сидят, особенно когда чуют клиента с живыми деньгами.

Звоню менеджеру.

— «Премиум-Авто», Денис слушает.

— Денис, Олег Волков. Помнишь?

— Олег Владимирович, конечно! — голос сладкий. —

Что-то с «Мерседесом»?

— Ничего. Я хочу новый. Прямо сейчас. Приеду через двадцать минут.

— Но мы закрываемся...

— Я сказал — через двадцать минут. Готовь документы на что-нибудь мощное. Чёрное. Чтоб зверь, а не машина.

Пауза. Слышно, как он сглатывает.

— Понял. Будем ждать.

В голове — ни одной мысли. Только решимость. Я хочу выжечь эту бабу из своей жизни. Полностью. До последнего атома. До последнего воспоминания о том, как она кончала на этом проклятом пассажирском сиденье.

Автосалон сияет. Стекло, свет, дорогие тачки на подиумах. Денис встречает меня у входа — молодой, вылизанный, улыбка приклеена. Рядом — девка с подносом, на котором кофе чёрный.

— Олег Владимирович, рады видеть. У нас как раз есть пара вариантов...

— Показывай, — перебиваю.

Проходим в зал. Я смотрю на машины — дорогие, блестящие, с идеальными боками. «БМВ», «Ауди», ещё один «Мерседес». Всё не то. Всё напоминает о старой тачке, о старых временах, о старых ошибках.

И тут я вижу её.

Чёрный «Порше Кайенн». Зверюга. Хищный прищур фар, колёсные арки широкие, выхлоп — как рык перед броском. Стоит на подиуме, как королева.

— Вот эта, — говорю.

— Отличный выбор! — Денис аж светится. — «Порше Кайенн Турбо», четыре литра, пятьсот пятьдесят лошадей...

— Мне насрать на лошадей. Сколько?

Он называет сумму. Я даже не моргаю. Деньги есть. На Иру больше тратил.

— Оформляй. Старый «Мерседес» в трейд-ин.

— Документы на старый автомобиль с вами?

Кидаю папку на стол. Денис суетится, заполняет бумаги, вызывает кого-то. Мне наливают ещё кофе. Я стою и смотрю на «Кайенн», а перед глазами — не цифры и не договор купли-продажи, а Виола. Как она сидела в моей старой тачке, кутаясь в свою дурацкую ветровку, и говорила: «Ты странный, Олег». Как от неё пахло ванилью, и этот запах перебивал запах Иры, въевшийся в обшивку.

Новая машина. Новая жизнь. Единственная женщина, ради которой я выкидываю старую тачку на помойку только за-

тем, чтобы она никогда, блядь, никогда не сидела на том же сиденье, что и эта шлюха.

— Олег Владимирович, — Денис аж вспотел, — всё готово. Можете забирать.

— Добро.

Подписываю, не читая. Отдаю ключи от «Мерседеса». Чувствую, как с пальцев соскальзывает брелок — тот самый, с гравировкой, который Ира подарила на третью годовщину. Всё. Конец. С концами.

— Приятной эксплуатации, Олег Владимирович. Если будут вопросы — звоните.

Вопросов нет. Я сажусь за руль, и первое, что чувствую — запах. Кожа. Новая кожа, ничем не загаженная. Никаких духов, никаких воспоминаний. Я вжимаю педаль в пол, и «Кайенн» срывается с места, как зверь, которого спустили с поводка. Пятьсот пятьдесят лошадей — это вам не хуй собачий.

Я еду и чувствую, как настроение ползёт вверх. Новая тачка — это как новая баба. Пахнет правильно, слушается, не выносит мозг. Я хочу, чтобы Виола увидела её первой. Хочу, чтобы она села на это пассажирское сиденье, чистое, скрипучее, ещё даже не проданное ничьей задницей, и сказала что-нибудь своё колкое. Паркуюсь у «Мятного листа» за полчаса до конца её смены. Выхожу из машины, облакачиваюсь на капот, закуриваю. Жду.

Из ресторана выходит она. Виола. В своей дурацкой вет-

ровке, с сумкой через плечо. Волосы распущены — редкость, я привык видеть её с хвостом. И она не одна.

Рядом с ней идёт какой-то хмырь. Молодой. Лет двадцать пять, не больше. Студентик, блядь. Что-то ей говорит, жестикулирует, улыбается. А она... она ему улыбается в ответ. Смотрит снизу вверх. И смеётся.

У меня в голове что-то щёлкает. Короткое замыкание. Вспышка.

Я вижу её лицо — со следами синяка, который она старательно замазывала. Вижу этого щенка, который стоит слишком близко, который смотрит на неё, как на свою. И мозг, падла, отключается напрочь.

Я не помню, как оказываюсь рядом. Не помню, как хватаю его за грудки. Помню только, как он дёргается, как его рот открывается в удивлённом «э-э-э», и как мой кулак влетает в это самое «э-э-э», сминая губы и хрустя костяшками.

Удар. Хруст. Кровь.

Парень отлетает к стене, хватается за лицо, орёт. Очки падают на асфальт и разбиваются с мерзким хрустом. Я делаю шаг вперёд, чтобы добавить — по рёбрам, по башке, куда попаду, — но тут передо мной вырастает Виола. Вцепляется в мою куртку, орёт в лицо:

— Олег! Олег, прекрати!

Я замираю. Смотрю на неё. Глаза бешеные, зрачки расширены, губы дрожат.

— Что?

— Это мой одноклассник! Паша! Он мне конспекты принёс!

Я перевожу взгляд на парня. Он сидит на асфальте, прижимает ладонь к разбитому лицу, кровь течёт сквозь пальцы на его дешёвую куртку. Взгляд испуганный, непонимающий. Он вообще не в теме, что сейчас было.

— Блядь, — выдыхаю я.

Виола отпускает мою куртку, отступает на шаг. Её лицо — смесь ярости и ужаса.

— Ты что творишь? Ты вообще нормальный?! Он ничего не сделал! Он просто учится со мной! Ты ударил человека, который принёс мне конспекты! Ты понимаешь, что ты наделал?!

Я стою. Смотрю на неё. Смотрю на пацана, который скулит на асфальте. Смотрю на свой кулак — костяшки сбиты в кровь. И только теперь до меня доходит, что именно я сейчас сделал.

— Паша, — Виола приседает рядом с парнем, достаёт из сумки салфетки, прижимает к его лицу. — Извини, пожалуйста. Я не знаю, что на него нашло. Это какое-то безумие.

— Я... я не понимаю... — лепечет Паша, глядя то на неё, то на меня с ужасом. — Я просто... конспекты... ты просила...

— Я знаю. Извини. Я вызову тебе такси. Завтра на парах всё объясню.

Она помогает ему подняться, подзывает такси, суёт водителю купюру. Паша садится в машину, всё ещё прижимая

салфетку к лицу, и уезжает. А я стою. Как истукан. Как дурак. Как бык, которому показали красную тряпку, а он и рад боднуть.

Виола разворачивается ко мне. Её глаза горят. Никогда не видел её такой злой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.